

ЗАКЛАННИЕ REVIVAL

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ВЛАДИМИР ДАНИЛОВ

Владимир Данилов

Заклание

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42657347

SelfPub; 2020

Аннотация

Казалось бы, после встречи с волшебником в ночь полнолуния жизнь должна превратиться в сказку. Но у Владимира она сразу пошла наперекосяк. Исполнения желаний ждать не приходится, чудеса вроде происходят, но какие-то бессмысленные, и первая смерть – ни разу не сказочная, а самая настоящая. Вот уже возникают подозрения у полиции и, что куда страшнее, – у собственной жены! Обычному парню, не склонному к мистике, сложно поверить, что его предназначение – спасти какой-то неведомый мир, как заверяют очаровательные колдуньи и грозные чародеи. Еще не разобравшись, дар это или проклятие, кем он выбран – Светом или Тьмой, – Владимир понимает: остаться в стороне уже не получится. Содержит нецензурную брань.

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	5
ГЛАВА 1,	6
ГЛАВА 2,	14
ГЛАВА 3,	19
ГЛАВА 4,	27
ГЛАВА 5,	31
ГЛАВА 6,	35
ГЛАВА 7,	41
ГЛАВА 8,	45
ГЛАВА 9,	51
ГЛАВА 10,	56
ГЛАВА 11,	61
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	64
ГЛАВА 12,	65
ГЛАВА 13,	71
ГЛАВА 14,	76
ГЛАВА 15,	83
ГЛАВА 16,	92
ГЛАВА 17,	101
ГЛАВА 18,	109
ГЛАВА 19,	115
ГЛАВА 20,	117
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Моей любимой Женечке посвящается.

Без тебя эта история никогда не была бы написана.

Хочу выразить признательность Ивану Татаринovu.

Ваня, ты тот двигатель, что толкает меня вперед. Спасибо.

Бездна бездну призывает...

Пс. 41:8

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Смещение

ГЛАВА 1,

наша история начинается и наполняется всяческими непонятностями

«Быть или не быть...»

В очередной раз мне предстояло принять участие в игрищах, что так развлекали Гамлета миллион лет назад. Только, в отличие от него, мое положение не так критично: банальное, скучное повышение, только что предложенное мне на затянувшемся совещании – это тебе не престол Датского королевства. Потому-то я мог спокойно расслабиться и отложить принятие решения на более удобное время, нежели одиннадцатый час ночи, да еще в вагоне метро.

Именно так я и сделал. Отгородившись от грохота поезда затычками наушников, я откинулся на спинку сиденья и закрыл глаза, отдаваясь магии мелодии и волшебству голосов.

«Не проскочить бы свою станцию», – подумал я, растворяясь в вокале Adele.

Впрочем, об этом я беспокоился зря: этой ночью проспать остановку (грешен, такое иногда случается) была не судьба.

Пролетали минуты, сменялись станции, в плеере один за другим менялись треки, и вот в какой-то момент, колдуя и завораживая, для меня запела Anastacia. Сексуальная хрипотца ее голоса каждый раз будоражила и, цепляясь за что-то

в моей душе, заставляла подпевать неизвестные слова на малознакомом языке. Не прошло и пары секунд, а я уже представлял и даже слышал, как сплетались наши голоса, как...

Сильнейший толчок в бок в мгновение разрушил возникшие чары. Что-то твердое и объемное, воткнувшись мне аккуратно под ребро, беспрерывно подталкивая, пыталось меня сдвинуть.

Я тут же открыл глаза – и едва сдержался, чтобы не выругаться в голос: одиннадцатый час вечера, вагон метро почти пуст, на лавочке, что напротив, всего два человека, а этот гад, вместо того, чтобы свободно сесть именно там, настойчиво пытался влезть между мной и крупной такой женщиной. Причем он не просто заталкивал свое сиденье в небольшое пространство между нами: он сначала поставил сумку, словно отгородившись ею от меня, и в оставшееся совсем крошечное местечко, очевидно с разбега (иначе просто никак), втискивал свое естество, которое я тут же возненавидел. А в той долбаной сумке, судя по объему, звуку и неприятным ощущениям в моем боку, находилось нечто похожее на металлические банки.

В ответ на подобную наглость и бесцеремонность я, естественно, не сдвинулся ни на миллиметр. Что, впрочем, ничуть не смутило банковладельца, и он продолжал елозить, толкаться и настойчиво отвоевывать себе место.

Если бы поползновения на мое пространство продолжились еще немного, то, скорее всего, я бы вынул наушники и сказал

этому типу все, что о нем думаю, но через пару секунд тычки прекратились и зловередный субъект успокоился: наверное, женщина слева от него не выдержала и сдвинулась.

Я выдохнул, закрыл глаза и попытался расслабиться, что, впрочем, у меня не получилось: адреналин, растекающийся по крови, бурлил и требовал действий – хоть каких-то. Тогда я приоткрыл глаза (чуть-чуть) и начал наблюдать за объектом моей неприязни – не напрямую, конечно, а в стекло напротив.

Объект оказался не молод, далеко за пятьдесят. Лицо помято-кривоватое, худощавое, подернутое седой хлипкой бородкой. Он не только выглядел не комильфо, но еще источал не сильный, но очень ощутимый специфический аромат несвежести. До запаха бомжевания, конечно, было ему далеко, но немытость, нестиранность и укрепляющаяся тухлеца создавали основу амбре, изобилующего разными нераспознаваемыми оттенками.

В любое другое время я бы и секунды не задержался рядом с источником подобных ароматов, но беспардонность, с которой он только что забирался на лавку, сделала свое черное дело: просто так взять и уйти, оставив победу за его наглостью, – этому не бывать. Я слегка пошевелился и сдвинул треклятую сумку в сторону ее хозяина.

В стекле напротив мужик подскочил, замер на пару секунд, а затем начал агрессивно ввинчиваться в лавку. Его губы зашевелились. Похоже, мужичок выражал неудоволь-

ствие, до которого мне не было ни малейшего дела. Тем более, в тот момент внутри меня звучал голос Кристины Агилеры, а разминивать подобное чародейство на всхрюкивания дурно пахнущего субъекта как минимум не умно.

За движениями мужичонки вновь последовали толчки в мой многострадальный бок, но, к счастью, это продолжалось недолго: женщина не выдержала и снова отодвинулась.

Увы, время покоя оказалось недолгим. Я только решил, что представление закончилось, как мужичок подскочил, а затем живенько так достал из внутреннего кармана очки и нацепил их на нос. В темном стекле вагонного окна отражающиеся очки выглядели настолько странно, что я решил рассмотреть их вживую.

Повернув голову, я увидел старую, дряблую кожу немолодого лица с пятнами ярко выраженного воспаления: находиться рядом с этим человеком становилось еще неприятнее. Что же касается очков, то их странность оказалась куском несвежего махрящегося бинта, обмотанного вокруг обеих дужек.

Тем временем неугомонный товарищ продолжил рыться у себя за пазухой. Видимо, внутри его темно-серого жилета с множеством раздутых карманчиков таилось много других «сокровищ».

Секунд через двадцать копошение прекратилось и на свет божий появился блокнот – огромный такой блокнотище. Как в его одежде могла разместиться эдакая здоровенная почти

книга, ума не приложу. Но лишь мужичок ее достал, руки его затряслись, рот задергался и начал кривиться, а грудь заходила ходуном. Мне показалось, что даже сквозь музыку я слышу то ли хрипы удушья, то ли всхлипы отчаяния. В это мгновение он походил на караса, вытащенного на берег, сходства чему добавляли глаза – выпученные, почти выскакивающие из орбит.

Столь странная метаморфоза настолько приковала мое внимание, что я не заметил, как в наушниках сменился трек, и поплатился за это: рев Muse едва не порвал мои барабанные перепонки. Запредельная громкость их нового альбома требовала экстренного уменьшения звука, а я этот момент прозевал.

Угомонив британских рокеров, я продолжил наблюдать за мужичком.

К тому моменту большущий блокнот уже лежал раскрытым на коленях и трясущиеся руки истерично его листали.

Не то чтобы мне было любопытно, но все же я заглянул в ту книгу, и ничего, кроме разнокалиберных и разноцветных каракулей, не увидел. Там были еще кружочки, в большинстве слов, большие и идеально круглые.

Тем временем странный человек ткнул в страницу неровный, узловатый палец и покоробленным ногтем, подобно первоклашке, стал водить по строчкам: кракозябры, кружочки, кракозябры...

Похоже, в той самой галиматье скрывался какой-то смысл:

я не столько увидел, сколько почувствовал, что истеричный страх отпустил мужика. Тот сразу оправился, расслабился, и мне показалось, что улыбнулся. А еще через секунду я заметил, что он смотрит на меня в черное противоположное окно с не меньшим интересом, чем я смотрю на него.

Пока мы вот так подглядывали друг за другом, поезд замедлил ход и въехал на станцию, чернота за окнами исчезла.

Остановка.

Я достал телефон и стал перебирать плейлисты, думая, что бы послушать. В итоге мой выбор остановился на сборнике треков из Бондиады, и когда зазвучал Skyfall, а я, довольный, поднял глаза, то обнаружил человека, застрявшего в закрывшихся дверях. Паренек, почти мальчишка, сжатый дверьми аккурат пополам, пытался прорваться внутрь вагона. Первое, на что я обратил внимание – чутошная, жиденькая, вздернутая кверху бороденка, комично выглядящая на почти безволосом лице. Она подергивалась и, словно вторя ей, острый выпирающий кадык простреливал то вверх, то вниз, то вверх, то вниз.

Двери разошлись, паренек ввалился в вагон, и через секунду поезд уже набирал скорость.

Привлеченный столь эффектным появлением нового попутчика, я невольно переключил внимание на него, тем более что и сам парнишка плюхнулся на сидение прямо передо мной.

Что ж, скорее всего, я не ошибся и пареньку года двадцать

два, не больше. Вытянутое лицо, заостренный подбородок с той самой курчавой и столь неуместной бородкой. Забавный удлинённый нос, расширяющийся к кончику, напоминая клюв птицы, альбатроса кажется. Глаза...

Глаза паренька если не с ужасом (с чего бы?), то с растерянностью уж точно, смотрели на меня, затем в сторону, как бы на моего странного соседа, потом опять на меня, и так снова и снова.

Решив, что смущаю парнишку столь пристальным разглядыванием, я откинулся на сиденье и закрыл глаза (не до конца, конечно), продолжая незаметное наблюдение.

Но паника в глазах паренька, не уменьшилась, теперь он не просто смотрел на моего соседа, но и... пытался перемигиваться с ним, что ли.

Возможно, я так бы и продолжал наблюдать за мимической игрой его лица вплоть до своей остановки, если бы случайно не посмотрел вниз. Мой взгляд скользнул по темно-синей футболке, черным супермодным джинсам, обуви паренька...

...да так там и завис.

На его ногах красовалось нечто странное и неуместное: ботинки не ботинки, туфли не туфли, штиблеты не штиблеты – я не знаю, как это назвать. Что-то кожаное, потрепанное, потёртое, прошедшее через века. Нет, правда, его обувь выглядела не то что не современной, а совершенно антикварной: может в сороковых или в шестидесятых годах такая и

была в моде, – но однозначно не сейчас. И еще, эта его обувь, она казалась мокрой – насквозь: едва парнишка переставлял ноги, в образующихся складках явно проблескивала вода.

Вид древней, раздолбанной, да еще мокрющей обуви на ногах современного, модного парня так ошарашил меня, что я, забыв про маскировку, открыл глаза и буквально вперился взглядом в его ноги. Когда же я посмотрел вверх, то увидел неприкрытый ужас в широко раскрытых серых глазах.

Поезд прибыл на мою станцию, а я осознал это лишь за несколько мгновений до того, как двери вагона закрылись. Лишь чудом я успел выпрыгнуть на платформу.

Возможно, через десяток-другой секунд я бы начисто забыл о своих попутчиках, тем более что повода помнить о них не было никакого: мало ли странных людей встретишь в метро. Но один момент словно впечатал их образы в мою память: когда вагон, из которого я выпрыгнул, медленно набирал ход, из окна, почти прижавшись друг к другу, на меня смотрели два человека: несвежий мужик с большущим блокнотом и парнишка в мокрых ботинках.

«Чудики с бороденками», – подумалось мне, и тут я вспомнил про маршрутку.

ГЛАВА 2,

повествующая о том, что паранойя не всегда беспочвенна

Ботинки того паренька – нет, не зря они привлекли мое внимание. Вскоре я смог не только лучше разглядеть их, но и убедиться: они действительно мокры, причем какой-то странной мокростью – они не сохли.

Понимаю, звучит абсурдно и дико. И в тот момент, когда поезд скрылся, увозя парнишку и странного мужичка в темноту тоннеля, о существовании подобной дичи я даже не подозревал. В те несколько секунд растерянности, провожая взглядом исчезнувшие огни последнего вагона, я, кажется, ощущал волнение. Мне действительно так кажется, но утверждать не берусь, потому что вдруг, словно из ниоткуда, проявились оранжевые цифры тоннельных часов, и 22:49 сменилось на 22:50.

«Черт, я могу не успеть на последнюю маршрутку, – подумал я и почти побежал по перрону.

Если честно, я живу недалеко от метро, минутах в пятнадцати ходьбы. И казалось бы, человеку, дружащему со спортом, пройти такое расстояние лишь в удовольствие, но... когда в дело включается матушка лень – а в тот вечер она намекнула о себе еще на совещании, – спорт безнадежно проигрывает. И сколько ты ни убеждай себя в необходимости

подобной прогулки – ты же спортсмен, а работа у тебя малоподвижная, – лень всегда берет верх, приводя неоспоримый довод: завтра на тренировке велосипед покрутишь подольше! Вот и тогда я молодым оленем скакал по лестнице, перепрыгивая через ступеньки, лишь бы успеть...

И вдруг, вопреки всем усилиям подгоняющей меня лени, я встал как вкопанный почти на самом верху лестницы и, развернувшись, проследил взглядом за двумя женщинами, что, под ручку спускались к платформе.

«Совершенно сухие... и никаких зонтов», – сказал я самому себе, продолжая наблюдать за ними, пока женщины не сели в подошедший поезд.

Уже через пару секунд я бежал по подземному переходу и ругал себя за напрасно потерянное время. «С чего бы тем женщинам быть мокрыми, – говорил я самому себе, – Третью неделю зной и жара». И тем не менее, оказавшись на улице, вопреки доводам рассудка я совершил очередную бессмыслицу: остановившись, я внимательно огляделся по сторонам, а затем, когда убедился, что никакого дождя не было и в помине (вот ведь неожиданность), я изучающе посмотрел на небо.

Это сейчас я могу теоретизировать о том, насколько же сильно на меня подействовала насквозь мокрая обувь парнишки, что я начал совершать странные поступки, тогда же все происходило спонтанно и как бы вполне естественно.

Небо оказалось таким, каким и должно быть ночное го-

родское июльское небо: безоблачное, почти черное с едва заметными искрами редких звезд. Лишь луна, неестественно огромная, обиженно выглядывала из-за близстоящей вышки.

Быстрый-быстрый топот, раздавшийся рядом со мной, прервал мое бессмысленное созерцание. Девушка в ярко розовом топике пробежала мимо меня и встала в конец длинной очереди на маршрутку – ту самую маршрутку, о которой я грезил.

«Трындец! – подумал я, двинувшись в сторону очереди и оглядывая этих несчастных, что друг за дружкой выстроились у столба в надежде избежать прогулки по ночной Москве.

До очереди я так и не дошел. Меня остановила мысль, столь неприятная особенно сейчас: «Все же придется приобщиться к спорту», – подумал я и, оглянувшись, бросил взгляд на тротуар, уходящий в сторону моего дома.

И вот тут-то я его и увидел – того самого парнишку, чьи сырые черные ботинки последние десять минут не шли из моей головы.

Ошеломленный, я замер и стоял так, пока паренек не скрылся в конце тротуара за деревьями.

«Он же уехал... уехал дальше!» – возникло в моей голове.

И это еще одна странность странного вечера: почему явление здесь парнишки сразило меня? С одной стороны, я мог и ошибиться: мало ли молодых людей поздним вечером бол-

таются у метро. С другой стороны, – какое вообще мне дело до него, даже если это тот самый человек.

В этот момент подъехал микроавтобус, и мои рассуждения сами собой прекратились.

Меньше чем через минуту свободные места закончились, но люди продолжали набиваться внутрь, переговариваясь, подталкивая и утрамбовывая уже находившихся в автобусе счастливых. Наконец дверь закрылась и последняя на сегодня маршрутка, влившись в транспортный поток, исчезла из виду. Остатки очереди тут же рассыпались: кто-то пошел на автобус, а кто-то, как и я, отправился домой пешком.

Невероятно, но парня в мокрых ботинках я увидел еще раз, причем очень скоро. Точнее сказать, мне показалось, что я заметил именно его: похоже, случайная встреча в метро становилась моим наваждением.

Домой я шел непривычно быстро, как ходить не люблю, и привычно в наушниках, что мне очень даже нравится. Когда в моих ушах «затычки», я стараюсь идти по тротуарам, чтобы не думать о машинах и прочей ерунде. Но сейчас, ночью, дороги между домами пусты, да и машина незаметно подкрасться не сможет, фары ее выдадут. Потому я шел посреди проезжей части, подпевая, про себя конечно, Кристине Агилере. У нас получился очень складный, замечательный дуэт, чем я и наслаждался, как вдруг – резкий всполох из-за спины. Не оглядываясь, я сделал несколько шагов в сторону, вышел на тротуар и, не сбавляя скорости, пошел дальше.

Приближающейся машины я не слышал, но, по усиливающемуся потоку света, понимал, что она все ближе и ближе. И в тот момент, как автомобиль поравнялся со мной, его фары выхватили вдалеке того самого парня.

От неожиданности я встал на месте, а парнишка, шустренько проскользнув через освещенную часть дороги, канул в ночь.

Весь дальнейший путь домой, те семь минут, что я проходил темными дворами, затем сквозь огромную арку дома и через перекресток с мигающим желтым светофором, мысль о парне из метро не покидала меня ни на секунду – я даже не помню, какая музыка у меня играла. Временами я останавливался, оглядывался по сторонам, обзывал себя параноиком, кретином, шел дальше и останавливался и оглядывался снова и снова. Лишь у своего дома я почувствовал облегчение, но... оно оказалось преждевременным.

Свернув за угол, перед подъездом я обнаружил парнишку из метро. Он сидел на лавочке и испуганными, как у мышонка, глазами смотрел на меня.

ГЛАВА 3,

рассказывающая, что иногда заглавная буква О – не просто буква

Отсутствие жены – это благо.

Да, явно ерунду сморозил. Я лишь имел в виду, что иногда, если жена в отъезде, как например моя, уже третий день на шопинге с подругами в Барселоне, это здорово облегчает ситуацию. Не представляю, как объяснить женщине то, о чем сам не имеешь ни малейшего понятия. И уж тем более – как объяснить моей дражайшей супруге, с ее запредельно рациональным мышлением, нечто, не имеющее с реалистичностью ничего общего. Отсюда и вывод – Барселона случилась во благо.

На улице ночь. Сквозь приоткрытое окно слышится грохот взрываемой в соседнем дворе пиротехники (вот ведь, люди даже в будни умудряются находить повод для торжества), а мы с парнишкой сидим на кухне и смотрим друг на друга.

Точнее, это я внимательно смотрел на него, а паренек, отлебывая из большой кружки чай, упорно таращился на что-то за моей спиной, и выглядел он при этом одновременно растерянным и озабоченным.

Самый первый вопрос, что я задал ему там, у подъезда, в

отдаленном приближении звучал примерно так:

– Какого хера у тебя мокрая обувь?

Не подумайте только, что я сразу же накинулся на парня с вопросами, нет. Вначале я просто смотрел на него (последствия не до конца рассеявшегося потрясения), а уж затем, когда он под моим взглядом смутился еще больше и пробормотал: «Здрасьте», я ответил: «Ну, привет...» – и поинтересовался его обувью.

Взгляд испуганного мышонка дрогнул (парнишка словно ужасся), и, посмотрев на свои ноги, затем на меня и опять на ботинки, юноша сказал:

– А, это, – он на секунду замешкался. – Там перед входом в метро что-то раскопали и воды натекло; я шел задумавшись, не заметил и влетел в неё. Вот. – И так недоуменно пожал плечами: дескать, что в этом особенного, я по пять раз на дню хожу по лужам.

– Понятно, – ответил я, как бы удовлетворившись таким объяснением. Оно все вроде бы и логично, только вот паззл внутри меня почему-то не складывался, словно кусочки мозаики пытались затолкать не на их место.

– Так, что ты хотел? – спросил я спустя некоторое время.

Парнишка смутился еще больше, как-то затравленно оглянулся, чем удивил и почти рассмешил меня, и, помявшись немного, ответил:

– Не могли бы мы поговорить у Вас дома?

«С чего бы?» – хотел сказать я, но вместо этого подошел

к двери подъезда, открыл ее и произнес другое:

– Заходи. (Еще одна не понятная мне самому странность).

Пока наш новый, убийственно неспешный лифт поднимался на девятый этаж, я смотрел на парнишку в огромное зеркало и корил себя за очередную глупость, совершаемую мной в эту самую минуту.

– Я Леха, – сказал паренек, протягивая мне руку и прерывая мои размышления.

– Владимир, – ответил я, и мы обменялись рукопожатием.

Лифт дернулся, пружинисто покачнулся, остановился и издевательски медленно раскрыл свои двери.

Как я уже упоминал, жена в то время находилась за границей, сын отбывал летние каникулы в деревне у бабушки, так что встречал нас лишь Кот, наш обожаемый, огромный, невероятно розовый канадский сфинкс. Кошка-собака, как я про него всем рассказываю. И это действительно так: он хоть и кот, но с замашками настоящего сторожевого пса.

И вот тут приключилась новая странность: хваленый сторожевой кот пару секунд поглядел на вошедшего гостя, а затем развернулся и ушел. Ни тебе длительного изучения, ни обнюхивания, ни тотального преследования с шипением и подвыванием – ничего: потрясывая хвостом, он равнодушно направился в спальню. Я же смотрел ему вслед, переводил взгляд на парня, затем опять на Кота и не понимал, что происходит: даже родственников, что частенько приезжают к нам в гости, котяра, несмотря на длительное знакомство,

изводит своим преследованием, а тут вот такая оказия.

– Да-а, – сказал я самому себе, еще внимательнее огляды-
вая паренька.

– Что? – спросил он, очевидно прочитав в моем взгляде
вопрос.

Я покачал головой и добавил:

– Пойдем на кухню, Леха. Побалакаем, расскажешь, с чего
это ты меня преследуешь.

– Я вас не преследую, – раздалось мне вслед.

«Угу, – пробормотал я про себя, – конечно, не преследу-
ешь», – а вслух спросил: – Чай? Кофе?

– Не знаю... – Леха зашёл на кухню.

Я наблюдал за ним, за тем, как его равнодушный взгляд
скользнул по обстановке...

– Наверное, лучше коф... – и замер, словно дар речи по-
кинул его.

– Кофе? – уточнил я, озадаченный замешательством мо-
его позднего гостя.

Тишина, сжатые губы и какой-то странный блеск в глазах.

Впрочем, сжатость губ и вспыхнувший взгляд, скорее
всего, я придумал: Леха смотрел на подоконник – белый,
пластиковый, не широкий, – обычный подоконник. На нем
небольшой шарик фиолетово-игольчатого кактуса (гордость
жены), да металлический кованый витой подсвечник в фор-
ме куста с черными листками и белыми бусинками цветов –
явно не те предметы, что могли заинтересовать, а уж тем бо-

лее ввергнуть в прострацию двадцатилетнего парня.

– Алексей! – достаточно громко произнес я.

Парнишка откликнулся легким вздрагиванием и словами:

– Да, кофе.

– Чашку большую, поменьше?

– Ой, извините, можно лучше чайку? – Он улыбнулся совершенно невинно и, присев на стул, опять посмотрел на подоконник.

– Да, без проблем, – я щелкнул выключателем чайника и опустился на стул с противоположной стороны стола.

Я смотрел на него, он на меня, и мы оба молчали.

– Ах, да, – спохватившись, произнес Леха. – Это должно все объяснить. – И он положил передо мной смятый, с неровно оборванным краем листок бумаги.

Не знаю, что теперь повергло в ступор меня: крупные корявые буквы, образующие фразу: «Если хочешь не умереть сегодня ночью будь тогда с этим мужиком!», или мой домашний адрес, написанный буквами поменьше, но такими же корявыми, аккуратно под большой надписью, или то, что эта страница напомнила мне про блокнот того мужика, что не более часа назад в вагоне метро тыкал в мой бок своей сумкой. Возможно, все эти факты соединились и образовали то единое целое, от чего я остолбенел. Нет, я не являюсь графологом, умеющим с одного взгляда определить схожесть почерка, только там, в блокноте с каракулями, мне бросились в глаза буквы «О», выведенные как большие кружочки и все

как одна заглавные. И вот сейчас я читал «Если хочешь не умереть сегодня ночью будь тогда с этим мужиком!». В том же стиле написан и мой адрес.

Чайник щелкнул и отключился, возвращая меня в реальность.

Оторвавшись от обрывка бумаги, со звенящей пустотой в голове, я посмотрел на того, кто мне его передал.

Лицо паренька сосредоточенно, во взгляде читается волнение, но он глядел не на лист бумаги в моих руках и даже не на меня, а куда-то мимо, словно подоконник за моей спиной занимал его много больше, нежели странная бумажка с глупейшим, но таким перебивающим дыхание текстом.

– Что с ним не так? – раздраженно спросил я.

Леха вздрогнул, но не сразу, как будто мои слова проходили через время, и, посмотрев на меня, переспросил: – Что? С чем? С листком? Там в вагоне, когда вы вышли...

– С подоконником, – перебил я его, – или с цветком, а может с этой долбаной железякой? Ты постоянно на них смотришь.

– Я? – воскликнул паренек. – Нет, просто отключаюсь. Думаю о своем, есть кое-какие проблемы. А с подоконником у вас, наверное, все в порядке.

И вновь эта невозможно-наивная и совершенно детская обезоруживающая улыбка.

– Ясно, – ответил я, ощущая, как очередные кусочки пазла упорно не желают складываться. – Тогда рассказывай про

бумажку. Что это за херня?

– Ну да, херня, по-другому и не скажешь, – согласился парнишка. – Когда я вышел на следующей станции, ко мне вдруг подошел тот странный дедок, что сидел рядом с вами, и сунул в руку этот листок. Я хотел выбросить бумажку, но... прочитал ее. Я хотел спросить, что за фигню он мне подсунул, но того человека уже нигде не было, я осмотрел всю платформу и я... я жутко струхнул. Не знаю почему... Я вдруг поверил в это, поверил, что сегодня умру... И...

– Тебе не кажется, что это полнейшая ахиня? – перебил я Леху. – Это же абсурд. Совершеннейший...

– Да, бред, – теперь он перебил меня. – Я согласен с вами, но... Пожалуйста... Я очень вас прошу, можно я проведу ночь здесь, с вами?

Я не знаю, как описать чувства, взметнувшиеся во мне. Разве что шторм: страшный, девятибалльный, с чудовищными волнами вопящих эмоций, неверием и абсолютным неприятием такой гигантской, необъемлемой чуши. И эти бушующие внутри меня огромные волны напрочь разбивались о его взгляд – наивный, верящий, уповающий на меня, взгляд ребенка.

Я глубоко вдохнул, аж заломило в легких, и выдохнул долго и через нос. Затем повторил дыхательное упражнение несколько раз, пока мой внутренний шторм не угомонился баллов до шести.

«Если я скажу то, что сейчас... скажу, – думал я, – это

станет величайшим абсурдом всей моей 32-летней жизни».

Часть меня, та самая часть, что, наверное, называется разумом, была против того абсурда, но...

Вдохнув еще раз, на выдохе я ответил:

– Да, конечно, ты можешь остаться, раз для тебя это так важно. Надеюсь, по условиям квеста мы не должны спать в одной кровати?

– Нет, думаю, это не обязательно, – рассмеялся парнишка, и мне показалось – я почувствовал облегчение, настоящее облегчение, что испытал он. – Спасибо вам большое! Я... я, правда, не думал, что вы согласитесь.

– Да уж, – вздохнул я. – Я иногда совершаю глупости.

Внутри меня растекалась усталость. Она зачиналась в области живота и неотвратимо расползлась по всему телу. И в тот момент, как я, расплющиваемый этой усталостью, назвал себя законченным идиотом, я ощутил и услышал скрежет, едва уловимый, металлический и хрустальный одновременно. Почему-то представились колесики непонятного механизма (часового – позже решил я), и они, заржавленно скрежеща, толкая друг друга, пришли в движение.

Щелк – и что-то где-то перешло на новый уровень.

Щелк – и это странное ощущение исчезло. Миг, лишь миг восприятия неведомой грани.

– Давай рассказывай, что было дальше, – пробормотал я, – мужик исчез, а ты...

ГЛАВА 4,

очень печальная

Плач саксофона Кирка Валума сменился пронзительной балладой Стинга. Я слушал их и не слышал: пустота души, растерянность сердца и зацикленное непонимание – как, как такое возможно?

Парнишка – тот самый, что ночевал у меня, – Лешка, сегодня я увидел его во второй раз.

Почти месяц прошел с нашей встречи, а его бородка не изменилась, по-прежнему редкая, русая, клинышком, – только сейчас она не казалась забавной. Нос вытянулся и заострился. Глаза, пронзительно серые, один полуприкрыт, а правый настолько широк, что кажется – веки отсутствуют. И лицо, бледное, голубоватое, перекошенное, застывшее в ужасе или боли. Голова Лешки запрокинута назад, а длинная, тонкая шея придает особенную жуть и искусственность: будто не на человека смотрю я, а на некое изваяние. Творение скульптора-извращенца, постаравшегося выделить и подчеркнуть каждый как нечто инородное, прорывающееся сквозь горло изнутри.

Фото дрожало в моих руках, а окружающая реальность, покачиваясь, пыталась сдвинуться с места. Лишь капитан полиции, подобно духу мести, прорвавшемуся в агонизиру-

ющий сон, оставался неотвратимо четким, придавая реальности незыблемость и заставляя ее вращаться вокруг себя.

С момента встречи с полицейским прошло уже несколько часов, и сейчас я сидел на диване, разбитый и подавленный. Я копался в воспоминаниях и отбивался от мыслей, навязчивых и бесполезных. Музыкальный центр плакал голосами Стинга и саксофона, а мои губы, словно волшебное заклинание, повторяли снова и снова: «Если хочешь не умереть сегодня ночью будь тогда с этим мужиком!»

...Будь тогда с этим мужиком...

Я уверен, что Лешка, как и месяц назад, шел ко мне. Зачем? Как и в прошлый раз, я этого не понимаю, но иначе сложно объяснить проложенный на телефоне и активный маршрут от метро к моему дому. Но тогда, даже среди ночи, он безопасно дошел до подъезда, а сейчас, при свете дня, его убили. Убили и бросили среди мусора, закопав в отходах.

Впрочем, полиция избрала для себя другую версию, и версия эта называется – самопроизвольная остановка сердца.

«Самопроизвольная остановка сердца возможна в любом возрасте», – как с расстановкой произнес капитан полиции, делая ударение на каждом слове, точно пытаюсь привить мне эту мысль. Затем последовали какие-то объяснения, медицинские термины, – но я не слушал. Мне хотелось спросить лишь об одном: каким образом и зачем парнишка в момент сердечного приступа забрался в мусорный контейнер? И я спросил.

Полицейский пожал плечами и ответил очень кратко и емко: «Разберемся».

И я уверен – они действительно «разберутся» и сумеют связать не связываемое.

Ко мне полицию привела записка, та самая записка от мужика из метро, написанная корявым почерком, с указанием моего адреса и столь важными словами: «Если хочешь не умереть сегодня ночью будь тогда с этим мужиком!» Записку обнаружили в кармане джинсов паренька, но на ее содержании, похоже, предпочли не акцентироваться.

Я рассказал и про вечер нашей первой встречи с Лешкой, и про записку. Рассказал и о том, что поведал мне сам паренек: как он вернулся на нашу станцию метро, проложил маршрут до моего дома, и, придя к подъезду, сел на лавку, не решаясь позвонить по домофону. Утром я напоил его кофе и выпроводил восвояси. С тех пор вплоть до сегодняшнего утра Леху я больше не видел.

С капитаном Петровым мы беседовали долго, около полутора часов. Я говорил, а он слушал, изредка задавая уточняющие вопросы и неспешно переспрашивая. Его лицо, не выражающее ни одной эмоции, несло отпечаток холодности и безразличия, но я не мог отделаться от ощущения, что он прикладывает немалые усилия, скрывая свои чувства. Впрочем, тогда я не задумывался об этом и лишь спустя время узнал, что те ощущения не подвели меня.

Единственное, о чем я умолчал в разговоре со стражем

порядка, это насквозь мокрая Лехина обувь. Я не сказал, что той ночью, пока паренек спал в гостиной, я держал эту обувь в руках и рассматривал ее. Не сказал я и про свое удивление от увиденного: обувь действительно выглядела очень старой и насквозь мокрой, но мокрой не от воды. Гель, желе, жижа, не знаю, как это назвать, – что-то густое и несдираемое пропитало ее, нечто с едва ощутимым запахом загнивающей аквариумной воды.

Капитану я не сказал про обувь вовсе не потому, что считал ее не относящейся к делу. Как раз наоборот, некое чувство внутри меня говорило о связи странной обувки парня с его странной смертью, и это же самое чувство не позволяло мне рассказать о мокрых Лешкиных туфлях.

ГЛАВА 5,

рассказывающая о первом пришествии капитана Петрова

Проснувшись сегодня утром, я, конечно же, не ожидал, что день сложится настолько печально. Я был расстроен – да, но повод для расстройства выглядел скорее забавным. Именно сегодня, в столь редкий для меня выходной на буднях, я решил во что бы то ни стало установить своеобразный личный рекорд по... сну. Звучит конечно глуповато, но...

И жена моя, и сын умудряются по выходным дрыхнуть без зазрения совести часов до двух, а то и до трех дня. Я же к девяти часам обычно уже на ногах как штык, – любимая фраза моей мамы, что бы она ни значила. И это очень обидно: пол дня приходится неприкаянно слоняться по дому, не зная, чем себя занять – да еще так, чтобы не разбудить своих сплюх.

Потому-то, накануне осознанно просидев у телевизора до половины третьего утра, пока меня не стало вырубать по полной, так что бои ММА слились в один бесконечный поединок, я полностью был готов к предстоящему подвигу – проспать до двенадцати дня, не меньше.

В первый раз я проснулся в 7:43: жужжание фена жены, слышимое даже сквозь две закрытые двери, разбудило меня.

Сначала пришло удивление: «Как, Анютка все еще дома?»

А как же ее всенепременный бассейн?» Затем, с горечью осознавая, что спать мне больше не хочется, я опечалился: видеть, сегодня случиться рекорду опять не судьба. И все же я повернулся на другой бок и сделал отчаянную попытку не допустить в свою голову ни одной, даже самой крошечной мысли.

В 9:29 я проснулся во второй раз.

Роковые цифры на экране телефона показывали, что до подвига еще ой-ой как далеко, но спать я больше не хотел – не хотел однозначно. А тут еще, словно подначивая меня, рядом раздавалось сопение и такое сладкое похрапывание. Котяра лежал под одеялом на месте жены и, точно глумясь, безмятежно смотрел свои котовые сны.

Преодолевая искушение стянуть с него одеяло (в качестве эдакой мести), я сел на кровати и задумался о том, чем бы теперь заняться.

«Сначала включу кофемашину, – подумал я, – потом...»

И тут прозвучал звонок в дверь.

Первая мысль, пришедшая ко мне: «Это к соседям, опять квартиры перепутали». Но тут же я понял, что ошибся: Кот пулей выскочил из-под одеяла и как оглашенный, будто не он только что пребывал в объятиях Морфея, метнулся к входной двери.

«Вот это да, – подумалось мне, – кого это к нам принесло?»

То, что звонили именно к нам, и вполне осознанно, сомне-

ваться больше не приходилось: Кот, обладая каким-то невероятным сторожевым чутьем, совершенно не реагирует на случайные звонки, а значит...

Звонок! Звонок! Звонок!

Чертыхнувшись, я встал, надел футболку, шорты и босиком отправился к двери, возле которой возбужденно метался Кот.

Не поглядев в глазок (а надо бы), я ногой отодвинул подальше Кота, чтобы он не выскочил в коридор, и открыл дверь.

«Голем! – первая мысль, возникшая в моей голове, едва я увидел стоящего за дверью визитера, – Гигант! Великан!»

– Капитан полиции Петров, – пробасили параллельные губы огромного, метра за два ростом, с плечами невероятной ширины, человека. Затем огромная ручища, разве что не издавая лязг металла, поднялась, и в гигантской ладони я заметил зажатое, кажущееся совсем крошечным, удостоверение.

– Здравствуйте. Чем обязан? – ответил я, успев посмотреть в удостоверение и отметить, что на фото капитан Петров не выглядит столь внушительно.

Толстые, совершенно параллельные губы капитана дрогнули, но прежде чем он успел что-то сказать, у меня за спиной раздался глубинный, яростно-приглушенный вой.

Я ощутил, как по моему позвоночнику пробежала холодная волна, и, пока вой повторялся снова и снова, обернулся.

Таким нашего Кота я еще не видел, точнее, я никогда не

слышал его таким. С виду он казался совершенно обычным, разве что непривычно замершим, словно окаменев. Но звуки, издаваемые нашим любимцем, та интонация всепоглощающего неприятия и озлобленности сразили меня. Кот с яростью смотрел в открытую дверь и выл снова и снова.

Недолго думая, я выскочил босой в коридор и со словами: «Извините, кажется, к нам вам лучше не заходить» – прикрыл за собой дверь. После чего сказал, совершенно глупую фразу: «Если, конечно, ордера у вас при себе нет».

ГЛАВА 6,

если Голем улыбается, значит, это кому-нибудь нужно?

Отдельный вход городской больницы; отдельная площадка для транспорта, отгороженная от случайных взглядов высокой живой изгородью, – морг. Дорога досюда от моего дома много времени не заняла. Впрочем, если бы мы ехали и в пять раз дольше, я вряд ли бы это заметил: в ту самую минуту, как жуткое фото очутилось в моей руке, с того мгновения, как я увидел искореженное тело парнишки, время словно изменило скорость и, помутнев, стало неявным. Единственно четкими, словно вспыхнувшими вечным огнем, оставались слова: «Если хочешь не умереть сегодня ночью будь тогда с этим мужиком!» И никаких сомнений больше не осталось, ни малейшего удивления по поводу этой, как я сказал тогда Лешке, «херни», теперь быть не могло: я верил в ту странную фразу, верил в каждое ее слово.

«Но поверит ли этим словам капитан полиции Петров?» – успел подумать я, прежде чем грохот с обратной стороны двери прервал мои размышления.

Дверная ручка медленно опустилась под тяжестью тела Кота и рывком поднялась вверх: очевидно, тот с нее соскользнул. Через секунду фокус с ручкой повторился. Свое умение открывать двери Кот демонстрирует с самого мла-

денчества, по-прежнему вызывая восторги, только сейчас мое состояние к восторгам и забавам не располагало.

Я вошел в квартиру, схватил в охапку Кота – он, увидев капитана, забурлил с новой силой – и пригласил самого гиганта войти.

Обиженный на мою бесцеремонность, Кот брыкался в руках, подвывал и старался меня укусить, а я, не обращая на его выкрутасы внимания, прошел в спальню и, запульнув Кота на кровать, вышел, закрыв за собой дверь.

Капитан Петров стоял у порога и совершенно бесстрастно наблюдал за нашей кратковременной и неравной схваткой.

Я вернулся к нему, снова взял фотографию и, глядя на нее, опять подумал о том, что перед смертью парнишка пережил невыносимый страх.

– По первичным данным, он умер от сердечного приступа, – заговорил Петров, словно прочитав мои мысли, – Конвульсивные искажения при такой смерти обычное дело, – произнес он голосом бархатисто-тяжелым, ровным и бесстрастным.

В ту секунду я ненавидел его, этого человека, этого капитана, этого Петрова, хотя почему – не понятно. Как не понятно, почему смерть Лехи так подействовала на меня. Да, молодой парнишка, но... я видел его всего пару часов. Неужели та история и записка настолько пропитали мой разум?

Вскоре я рассказал капитану все, что случилось тем странным вечером. Это был мой первый рассказ, и таких расска-

зов будет еще не мало, в том числе и письменных показаний.

– Уверены ли вы, что это тот самый человек? – в завершение разговора спросил капитан, пристально наблюдая за мной.

– Уверен процентов на девяносто, – ответил я.

И тут же последовало предложение опознать паренька в морге.

Вечером, еще раз проходя в памяти по событиям сегодняшнего дня, я пытался найти объяснение своему быстрому согласию поехать в морг. Сначала я говорил себе, что просто хотел увидеть паренька в последний раз, быть может даже попросить у него прощения, что не смог, пусть не понятным мне образом, защитить его снова. Но вскоре я понял, что подобные мысли сродни лукавству и, чтобы оставаться честным с самим собой, я должен признать: да, я в любом случае поехал бы с капитаном в морг, но столь быстрое, почти мгновенное мое согласие было побуждением – еще раз увидеть Лехину обувь.

И вот мы здесь, в морге.

Бело-синюшный труп, так не похожий на того парнишку, что искал у меня ночлега, но все же более похожий на Леху, чем на фотографии капитана, лежал на каталке под бледно-серой тканью. Я узнал осунувшееся лицо, длинный нос, глаза (они, к счастью, были закрыты) и узнал такую не забавную теперь бородку.

– Да, это он, – сказал я, обернувшись к Петрову.

Капитан, до этого момента более похожий на застывшее изваяние, ожил и сделал пометку в своем крошечном блокноте.

Процедура опознания тела свершилась, и мы покинули холодную комнату с пятью не пустыми каталками.

Настроение мое было прескверным, и, казалось, ничто не в состоянии повлиять на него, однако капитану Петрову это удалось. Его громкий выкрик: «Мать твою...» и вид того, как идеально ровные губы капитана Петрова, подрагивая словно в конвульсиях, меняют форму, изображая нечто отдаленно похожее на улыбку, сразили меня.

Мы только что зашли в комнату с вещами покойных. Их разложили на разных столах.

– Там, – сказал Петров и ткнул огромной рукой в сторону самого дальнего.

Я подошел к столу и только-только начал разглядывать лежащую на нем одежду, как за моей спиной раздалось то самое капитанское: «Мать твою...».

Не само идиоматическое выражение удивило меня – в ходу у капитанов полиции найдутся фразы и погорячее – меня поразила его интонация, то мегаудивление, нашедшее выход в двух коротеньких словах.

Я оглянулся и увидел, как параллельные и кажущиеся даже во время разговора неподвижными губы капитана медленно искривляются, как бы выражая радость. В какой-то момент мне даже показалось, что взгляд капитана, с инте-

ресом и удивлением шныряющий по столу, начал светиться внутренней краснотой.

Я почему-то тут же подумал о Лешкиной обуви и быстро обернулся.

Обувь лежала на дальнем краю стола. Я тут же отметил, что она по-прежнему выглядит мокрой, только... это была ДРУГАЯ обувь. Без сомнения. Невозможно перепутать допотопные штиблеты и, пусть не очень современные, но все же кроссовки.

– Узнаете что-нибудь? – спросил капитан. – Или вас что-то смущает? – В его голосе мне послышалось веселье.

– Нет, – ответил я.

Помолчав секунд десять, я добавил:

– Не узнаю ничего.

И я не солгал, на самом деле ничего знакомого на столе я не увидел. Одежда казалась другой, хотя, если честно, я и в первый раз к ней не приглядывался: джинсы, однозначно, другого цвета. Что же касалось ботинок, точнее обуви, то лежащие на столе черные кожаные мокрые кроссовки я точно никогда раньше не видел.

Капитан подошел вплотную к столу, очень внимательно и очень медленно осмотрел каждую лежащую на нем вещь, а затем повернулся ко мне.

Я ощутил (мне так показалось) не только холод, исходящий от его красноватого взгляда, у меня возникло такое чувство, будто меня пытаются вскрыть, как консервную банку,

в попытке добраться до содержимого.

– Я вам еще дома сказал, что не приглядывался к его одежде и по карманам ночью не шарил, – стараясь улыбаться как можно ироничнее, ответил я, – И потому ничего о его вещах сказать не могу.

Клянусь, он улыбнулся. Я бы даже сказал: улыбка исказила лицо капитана големов (неплохое погоняло я придумал).

Последующие события показали, что я не ошибся: там, в морге, капитану Петрову, стоящему перед вещами мертвого Лехи, было не просто весело, ему было очень смешно.

ГЛАВА 7,

в которой Владимир попадает из огня да в полымя

– Ты ничего сказать больше не хочешь?

Вечер того же дня, 23:44 показывают часы на электродуховке – очередной допрос.

Невысокая (при ее 168 сантиметрах против моих 183) двадцативосьмилетняя женщина устало, но очень требовательно и внимательно глядела на меня. Я же не только любовался ее русыми, отливающими платиной волосами, глазами – темно-карими, почти черными, но и в очередной раз корил себя за несправедливость по отношению к капитану Петрову. Еще часа два назад я пребывал в уверенности, что страж порядка предвзято относится ко мне и тиранит меня ненужными повторяющимися допросами. Вот теперь я знал совершенно точно – не допросы то были, а, как и говорил многоуважаемый капитан големов, обычные свидетельские показания. Что же такое допрос, я понял лишь сейчас. Допрос – это то, что устроила мне моя супруга.

– Ты ничего сказать больше не хочешь?

Вот она, фраза, заставившая меня напрячься. Да, да, да, я знатно ступил, когда ни словом не обмолвился жене о Лехе, ночевавшем у нас во время ее культпоездки в Испанию. Но именно это как раз и говорит о моем истинном отношении

как к рассказу парнишки о его возможной смерти, так и к записке, да и к лишившим меня покоя мокрым ботинкам. На самом-то деле я не воспринял все это никак. Ну, переночевал у нас напуганный парень – согласен, обычным такое назвать сложно – но он ушел, и все забылось. Через два дня, размахивая цветами в аэропорту во время встречи Анютки, о случившемся я не то что не думал, я о нем даже не помнил.

Но сегодня другое дело: я совершенно осознанно не хотел грузить Анечку информацией о произошедшем. Во-первых, зачем ей дополнительные проблемы, и так по работе веселья хватает. А во-вторых, тогда бы пришлось ей рассказать обо всем с самого начала, в том числе и о своем, как бы она назвала, неадекватном поступке. Но эта сволочь – я не про жену: про капитана задолбанного Петрова, – оказывается, ездил к ней в офис и все подробненько рассказал. И именно благодаря ему в столь поздний час мне пришлось держать ответ как за произошедшее месяц назад, так и за то, что случилось сегодня.

– Ты ничего сказать больше не хочешь?

Голос Анютки звучал устало, но взгляд оставался твердым и очень внимательным. «Самому капитану не грех поучиться подобной внимательности», – подумал я, подозревая, что до конца разбора полетов еще далеко.

Грешен, Анютке я тоже ничего не сказал про Лехину обувь.

Я вовсе не пытался скрыть от жены сей непонятный факт.

Более того, пересказывая случившееся с самого начала, я упомянул про странность Лехиных туфель, привлекающую мое внимание еще в метро. Я пересказал и его ответ про огромную лужу, по которой он якобы прошелся перед поездкой. Точно так же я совершенно честно собирался рассказать про мои ночные исследования той обуви, я даже заикнулся об этом, как вдруг – точно укол в позвоночник, и мороз по коже: «Не нужно...», – промелькнуло у меня в голове.

Не успев задуматься – почему, я хмыкнул нечто неопределенное и перескочил этот исследовательский момент в своем рассказе. В то же мгновение внутри меня возникло чувство «отпускания», как будто, стоя на самом краю бездны, я благополучно от этого края только что отошел.

Мне стало не по себе, я даже поежился, словно меня коснулось нечто неведомое, невидимое, но присутствующее рядом.

– Да вроде бы нет, – ответил я. – Рассказал все как было. Это ты до сих пор не рассказала про ваше рандеву с господином капитаном.

– А что там рассказывать, – Анютка пожала плечами. – Задавал вопросы, на которые я не могла ничего ответить, и по твоей милости чувствовала себя полной дурой.

Она наконец-то отвела от меня обжигающий взгляд и с безнадежностью в голосе спросила:

– Ты хоть проверил, у нас ничего не пропало?

– Нет, – ответил я, не уточняя, не пропало или я не про-

верял.

Еще один тяжелый вздох с ее стороны, легкое покусывание верхней губы и почти неуловимое покачивание головой.

В тот момент я ощущал себя последней сволочью.

Анютка встала и пошла прочь из кухни.

– Кстати, – остановившись в дверях, обернулась она, – морг ограбили. Капитану позвонили, когда мы разговаривали. Он подпрыгнул на стуле и заорал так, что в бухгалтерии, за стенкой, все напугались. Я слышала, что ему говорили по телефону...

Анечка пристально смотрела на меня, и, я уверен, ждала моей реакции. Почему?

– Не повезло, – невозмутимо ответил я, подходя к холодильнику. – Кефирчику не желаешь?

– Нет, спасибо.

Она отправилась спать, а я еще долго сидел на кухне и, перебирая одну за другой все странности произошедшего, не мог избавиться от вопроса – что же это такое?

ГЛАВА 8,

не отвечающая ни на один вопрос, но задающая новую загадку

На следующий день тот самый не имеющий ответа вопрос: «Что же это такое?», – прозвучал вновь, но столь явно и громко, что вполне мог претендовать на право называться главным вопросом моей жизни.

Начиная с утра и весь день на работе события вчерашнего выходного не отпускали меня ни на минуту. Я думал о Лехе, о его ботинках, о капитане Петрове, о разговоре с женой, и... – главный затык в моей голове – о том, почему я до сих пор никому не сказал о мокрой особенности Лехиной обуви.

Единственное, о чем я практически не думал, так это о самой работе. Даже когда она пыталась завладеть моим вниманием целиком, я умудрялся не поддаваться и исполнял свои обязанности с услужливостью идеального робота. Я отвечал, улыбался, советовал, но мыслями оставался во вчера. Лишь вечером, стоя перед лавочкой у подъезда и впервые не думая ни о чем, я, если так можно сказать, вырвался из объятий прошлого: как будто время и я, до этого существовавшие сами по себе, наконец-то увидели друг друга. Окончательно я и время встретились, как только я вышел на своем этаже из лифта.

«Мя-у!» – раздалось у меня за спиной, когда я, стоя перед дверью, отделяющей лифт от общего коридора, доставал ключи.

Именно в это мгновение время сказало «Привет!» – и вернуло меня в действительность. Я обернулся.

На подоконнике настезь открытого окна девятого этажа сидел наш Кот – исключительно довольная морда – и по-хитровански смотрел на меня.

Я двинулся в его сторону: не спеша, без резких движений, улыбаясь и разговаривая с ним как ни в чем не бывало, но взбесившееся сердце пыталось выпрыгнуть сквозь горло наружу, не давая мне дышать, и еще я потел, потел как загнанный жеребец.

Последнее движение я совершил очень быстро: наверное, со скоростью света я схватил Кота, прижал его к себе и умудрился не только захлопнуть окно, но и не разбить его. Через секунду я ощутил, как мои ноги мелко дрожат, подгибаются, а в области желудка усиливается и расширяется тошнота. Лишь Кот, не оценивший трагизма ситуации и начисто забывший о благодарности, тяпнул меня острыми, что иголки, зубами за запястье.

Пережитое не только лишило меня чувствительности – я никак не прореагировал на проявление котового зверства, – но и напрочь выбило из моей головы все мысли. Я не только не задумался, каким образом котяра оказался в коридоре, но даже не удивился, обнаружив, что и первая, решетчатая

дверь, и вторая, делящая коридор на две части, не заперты.

Я медленно шел по коридору, увещевая брыкающегося Кота. Но стоило мне свернуть за угол и оказаться перед нашей квартирой, как вдобавок ко всем негативным ощущениям я еще лишился и дара речи. Ненадолго, к счастью.

«Твою-ю-ю мать!!!» – воскликнул я секунд через десять.

Наша металлическая заграничная дверь с замками, которые, по обещанию производителя, «невозможно вскрыть», оказалась взломана, подобно консервной банке. Стальная дверная коробка, часть двери искорежены, выворочены, лишь куски металла торчат наружу.

В тот момент я, наверное, так сильно сжал Кота, что он взвизгнул и уже не шутя вцепился мне в руку.

Возможно, было больно, но я не почувствовал. Я лишь заметил, как на моем предплечье идущие друг другу навстречу две пары глубоких отметок его зубов наливаются кровью.

И из ступора меня вывел все тот же Кот. Почувствовав близость дома, он стал еще яростнее вырываться из рук, и это ему удалось. И в тот момент, как он выскользнул, в моей голове словно сработал переключатель, и понеслось...

Я хватаю пытающегося удрать Кота и заталкиваю его в коробку от микроволновки, что лежит здесь же, в коридоре, на стеллаже. Для надежности сверху ставлю другую коробку, полную стеклянных банок.

Под звон тех банок (кот мечется в коробке, воеет, требуя свободу), набираю 01. Оказывается, это пожарники – спаси-

бо им, добрые люди, – переключили и я жду... жду...

Получаю инструкции: не входить, ничего не трогать и... продолжать ждать.

Звоню Анечке: «Дорогая, любимая, кажется, нас обокрали...»

Первое, о чем она спросила после того, как я обрисовал ситуацию: «Что за грохот там у тебя стоит? – И следом, – Хорошо, что Славик у бабушки. – И дальше: – Малыш, он, наверное, так напугался, а ты его еще в коробке закрыл».

Жутко напуганный (это сарказм) тем временем, подпрыгивая в коробке, рвал и метал.

«Какой ты жестокий, – с укором раздалось в телефоне, и... – Я выезжаю».

Аккуратно, стараясь не испортить возможные следы (а вдруг они все же есть), подхожу к соседской двери (под ногами хрустит стекло, весь пол в очень мелких черных осколках) и нажимаю звонок, но мне не отвечают. Странно: бабушка, живущая там, обычно всегда дома.

Какое-то время переживаю внутреннюю борьбу между желанием войти в квартиру, посмотреть, что да как, и требованием полицейских ни в коем случае туда не входить. Рассудив, что грабителей, скорее всего, давно и след простыл, решаю следовать полученным инструкциям.

Жду, жду, жду...

По ходу кажущегося бесконечным ожидания разговариваю с Котом и пытаюсь его урезонить, но тот меня не слуша-

ет и, как дьявол, заключенный в коробку, жаждет лишь одного – вырваться на свободу.

Парадокс – у нас ничего не украли.

После двухчасового исследования мы с Анютой не обнаружили ни малейшей пропажи. В квартире все выглядело так, как и было оставлено утром, когда мы уходили на работу. Ни погрома, ни малейших следов обыска – ничего, и если бы не искуроченная дверь, никогда бы и в голову не пришло, что тут побывали грабители.

Полиция, поделав все свои полицейские дела и прихватив служебного пса – Коту на него было глубоко начхать, – отправилась восвояси. Наш же котяра, исцелованный и измилованный, утолив свой воистину зверский голод, вместо того чтобы отправиться под одеяло и баиньки, стал носиться как оглашенный по всей квартире.

Кое-как закрыв изуродованную дверь – главное, чтобы Кот ночью не удрал опять к лифту, – мы вызвали на завтра мастеров, еще раз проверили ящики и отправились ужинать.

Разговор, естественно, крутился вокруг столь непонятного взлома, работы полицейских и их собаки, которую, по всей видимости, плохо кормят.

Когда мы перешли к кофе, Кот в очередной раз примчался на кухню, заскочил на стул, с которого я только что встал, проехал на нем к окну, с грохотом воткнувшись в стену (его любимейшее развлечение), и запрыгнул на подоконник.

Приготовив две чашечки кофе, я вернул стул на прежнее

место, сел на него, а Коту за его фигурное катание отвесил легкий, чисто символический щелбан. Тот, ожидая от меня чего-то подобного, тут же схватил лапами мою руку и стал подтягивать ее к своей жутко-хищной пасти.

– Я знаю, что пропало, – произнесла моя дорогая. – Но это полная чушь.

– Что?

Я посмотрел на нее и тут же поплатился за беспечность: иглы котовых зубов вонзились мне в ладонь.

– А-а-а-у! – заорал я, отдергивая руку. – Сейчас как дам – больно!

Но Кот лишь этого и ждал, его огромные зеленые глаза следили за мной, и в них бесновалась игра.

Анечка, привыкшая к подобным забавам, попросту проигнорировала усиление нашей с Котом конфронтации. Она задумчиво смотрела в никуда, слегка прикусив губу, что бывает, когда она о чем-то усиленно думает.

– Так что? – нетерпеливо переспросил я.

– Подсвечник.

Аня кивком головы показала на подоконник.

Я обернулся.

Действительно, этой странной гнутой трехногой железяки, с металлическими листочками и перламутровыми бусинками, на подоконнике не было. На его месте сидел Кот и мстительно следил за моей рукой.

ГЛАВА 9,

рассказывающая о втором пришествии капитана Петрова

Недели две прошло с момента разыгравшейся у нашего дома трагедии. Постепенно переживания сгладились, и мысли, оставив бессмысленное кружение вокруг Лехи и его смерти, вернулись в привычную колею и закрутились вокруг семьи, работы, лета и приближающегося отпуска.

К этому моменту наш семейный бастион обрел новые «несокрушимые» (по заверениям установщиков) врата. Что же касается исчезнувшего подсвечника, то здесь все получилось неоднозначно. Сразу же после обнаружения пропажи я не без удовольствия заметил: «Интересно посмотреть на реакцию полицейских на новое заявление...». Дождаться окончания моей мысли, что же такого интересного я хотел увидеть, моя дорогая не стала:

– Без меня! – безапелляционно заявила она. – Если хочешь, можешь развлекаться, только меня от этой потехи уволь. Тем более, подсвечник подарили тебе, так что тебе и карты в руки.

Конечно же, я никуда не пошел: во-первых – лень, а во вторых – «Наконец-то от него избавились», – подумал я с глубочайшим удовлетворением.

Эта искривленная железяка, действительно подаренная

мне, совершенно не вписывалась в интерьер ни одной комнаты. Подсвечник постоянно мешался и раздражал, а подарившая его тетя Наташа, наверное, так же регулярно икала. О том, чтобы выкинуть столь ненужный подарок, конечно же, речи быть не могло, и потому, когда он все же прижился в углу кухонного подоконника, казалось, обрадовались все, и в первую очередь Кот. Тот решил, что это его новая игрушка, и теперь свои регулярные забеги через всю квартиру завершал запрыгиванием на подоконник и как бы случайным сбрасыванием подсвечника на пол. Грохот и звон наполняли воздух, а котяра, довольный, перевозбужденный, уносился с кухни, поскользываясь на полу и врезаясь в мебельные углы.

В один из вечеров, накануне своего очередного выходного, я занимался тем, что потакал внезапно возникшей у меня фантазии. Пару часов назад, ни с того ни с сего, мне вдруг захотелось приготовить что-нибудь эдакое.

К счастью, подобные фантазии посещают меня крайне редко, но... если уж посещают – тогда держись. Вот и в тот вечер, лишь только желание проявилось со всей своей силой, как сразу же мои действия приобрели невиданное ускорение. Я быстренько нашел замечательный (тот, что больше всего хвалили) рецепт в интернете, метнулся в магазин, закупил провизию и вскоре приступил вершить волшебство кулинарии. Изгаляясь над уткой, я начинал ее апельсинами, черносливом, специями, а мой постоянный паж и помощник ходил вокруг, требовательно мяукал, вставал на задние лапы и

головой бодал меня в ногу.

Избавиться от его домогательств возможно лишь одним способом: я отрезал крошечный кусочек птицы, положил в миску и легким пинком под зад придвинул жаждущего экзотики Кота к лакомству. Естественно, сырую утку он есть не стал: понюхал, сделал круг, понюхал еще раз и (вот оно – счастье) угомонился. Запрыгнув на стол, Кот принял позу настоящего сфинкса и, опять-таки, как тот самый настоящий сфинкс, предался неподвижному и отрешенному созерцанию. Впрочем, отрешенность продолжалась недолго: не прошло и пяти минут, как вдруг «настоящий сфинкс», забыв о своем сфинксовом достоинстве, соскочил со стола и пулей метнулся в прихожую. Через секунду оттуда одновременно раздались звонок в дверь и вторящий ему глубинный, утробный вой. Догадываться о том, кто звонит, мне не пришлось – я уже понял.

Петров – капитан Големов (до чего же мне нравится так его называть). Мы опять стоим в коридоре, и я в очередной раз поражаюсь не только явно видимой мощи этого человека, но и его силе. До сих пор я считал себя мужиком не из слабых: и в спортзал хожу, и армрестлинга не чурюсь, – но рукопожатие капитана Петрова, это даже не тиски, словно несокрушимая скала, обхватывает твою кисть не давая возможности освободиться.

– Любит он вас, – сказал я, кивнув на закрытую за собой дверь, после того как «скала» выпустила мою ладонь. – Так

и жаждет познакомиться поближе.

– Говорят, у вас квартиру вскрыли? – ответил капитан, проигнорировав и мои слова, и яростные вопли кота.

В ответ я угукнул и замолчал, заново удивляясь особенности Петрова говорить, почти не шевеля губами.

С полминуты мы молча смотрели друг на друга. В тот момент вспомнилось, что если берешь паузу, то необходимо держать ее как можно дольше. Я приготовился к продолжительному молчанию, но капитан Петров разрушил магию тишины.

– Того паренька, что ночевал у вас, а потом умер недалеко от дома, вы еще не забыли? – спросил он.

– Вы считаете такое можно забыть? – ответил я вопросом на вопрос.

Безмерные плечи капитана шевельнулись, как бы изображая: «Кто его знает», – и он продолжил:

– Завтра его хоронить будут, на кладбище таком-то (Петров сказал название, но оно мне ни о чем не говорило). Там, с правой стороны, в глубине за перелеском, места для спецзахоронения...

Голос капитана звучал расслабленно, слова возникали медленно, как бы с неохотой, а я не мог отделаться от ощущения, что его каре-красный взгляд пытается пробраться внутрь меня, и вновь мне стало не по себе.

– Мы так и не смогли установить его личность, – продолжал Петров. – Ни родственников, ни друзей у парня. Вот я и

подумал, может, вы захотите проводить его, проститься?

– Это... вряд ли, – сказал я секунд через десять, – не люблю кладбища и прощания.

И вновь наступила звенящая (по ощущениям) тишина, да же Кот с обратной стороны двери угомонился.

Спустя какое-то время Голем ожил, зашевелился и достал из кармана брюк сложенный лист бумаги.

– Как знаете, – врасстяжку произнес капитан. – Но если все же надумаете, приезжайте к двенадцати, – он протянул бумажку мне, – Номер, под которым он будет записан.

НМ-153740 – прочитал я текст, отпечатанный на принтере.

Вновь дробящее кисть рукопожатие капитана, и он ушел, не сказав больше ни слова.

– Это вряд ли, – повторил я в пустоту, понимая в это самое мгновение, что капитан Големов каким-то образом знал: завтра, в 12 часов, я точно буду на кладбище.

ГЛАВА 10,

импульс, приданный капитаном Петровым в предыдущей главе, приобретает крышесносительную мощь

НМ-153740 – надпись на небольшой металлической пластине, приваренной к арматуре. Безликий холмик свежеперевернутой земли среди тысяч таких же безымянных могил. В голове пафосные бессмысленные слова, претендующие на мудрость. Я их гоню и пытаюсь воскресить в памяти смешную бородку, необычный нос, наивную по-детски улыбку, но образ не складывается и развеивается подобно дыму. Лишь ботинки, треклятые сырые ботинки, словно выжженные вечным клеймом в моей памяти, как живые стоят передо мной.

Метро, маршрутка в сторону области, километра два пешком по грунтовой дороге, и в одиннадцать пятнадцать я уже был на кладбище.

Деревья, разбегающиеся в стороны вдоль высокой металлической ограды, в ней большие ворота, а за ними город – город могил.

«Справа за перелеском», – сказал Петров.

«Справа от чего? – думаю я. – От ворот? Но эти, в которые я зашел, наверняка не единственные. А перелесок – куда ни глянь, за сотнями метров могил со всех сторон деревья, деревья, деревья...»

Какое-то время я плутаю между оград. Не глядя на памятники и кресты, я иду по неявным дорожкам в надежде встретить хоть кого-нибудь, кто знает, где находится территория спецзахоронения.

Редкие посетители, с приличествующими месту скорбными лицами, с удивлением выслушивают меня (скорбь на их лицах сменяется интересом), но ничем помочь не могут, лишь советуют спросить у кого-нибудь еще. Иду дальше, встречаю этих кого-нибудь еще, но они тоже не знают, и я продолжаю идти, ощущая все сильнее тяжесть тишины всеобщего упокоения.

В конце концов мне повезло: у дальнего края кладбища я наткнулся на трех мужиков. Они только что закончили рыть новую яму и, стоя рядом с ней, курили.

«Вон туда, – махнул рукой один из них, опирающийся на лопату, и показал в сторону горизонта. – Идите на ту березу, видите? И рядом дорогу увидите».

Поблагодарив за помощь, я устремляюсь, петляя между сотен, если не тысяч, могил к путеводному дереву. Время поднимает.

К тому моменту, как я подходил к стене деревьев, что высились метрах в ста за одинокой путеводной березой, мне казалось, что большей подавленности, чем сейчас, я не испытывал никогда в жизни. Как я ошибался! Пройдя метров триста по грунтовой дороге, убегаящей вглубь настоящего леса, я очутился в месте подлинного ужаса. Ровная широ-

ченая просека, видимая до горизонта, и, насколько хватает глаз, тысячи, возможно, десятки тысяч одинаковых холмиков с одинаковыми табличками.

Бесхоз – как назвал упокоенных здесь мужик с лопатой. Бесхоз – вот когда мне стало жутко.

Закрытую «газель» с четырьмя одинаковыми гробами внутри я обнаружил минут через пять кажущегося бесконечным пути. Рядом с машиной четверо крепких мужчин и женщина, начальница, с журналом в руках. Чуть подальше четыре свежие ямы, расположенные рядком.

Удивление, с которым на меня смотрели, пока я подходил, исчезло, едва я показал бумажку с номером и объяснил, что к чему. Женщина указала на один из гробов, с синим номером на крышке, на яму и отошла. Мужики, переговариваясь и балагурия, стояли в сторонке и словно чего-то ждали.

Ровно в двенадцать женщина сказала: «Пора», работники подхватили первый гроб и, не переставая травить анекдоты, опустили в могилу. За ним другой, следующий, последним под землю отправился гроб с номером НМ-153740.

Стоя на краю могилы, я смотрел вниз и перечитывал снова и снова тот синий номер. В голове пустота: ни мыслей, ни чувств. Лишь где-то, словно в другой вселенной, раздавался стук. Стук земли о дерево: два мужика засыпали первую могилу, двое других вторую.

Я присел, взял пригоршню влажной земли и бросил.

Через пятнадцать минут все закончилось. Еще минут че-

рез пять «газель» с мужиками и начальницей уехала. На их предложение подкинуть меня до маршрутки я ответил отказом. Почему? Не знаю.

Я стоял рядом с холмиком Лехиной могилы, смотрел на металлическую табличку и пытался вспомнить, каким же он был в те несколько часов, что я его знал. Но как я ни старался, воспоминания упорно не шли. «Пора...» – говорил я себе раз за разом, но все равно продолжал стоять.

Грунтовая дорога уводила меня прочь от места потерянности, ненужности, от места полного забвения – в место просто скорби. Уходя, я постепенно ощущал летнее тепло, и по чуть-чуть, словно сквозь истончающуюся преграду, различал стрекот кузнечиков и чириканье птиц. Я шел и думал о том, как различаются люди в смерти. Одних, возможно, помнят, хотя бы изредка, хотя бы иногда. О других воспоминаний нет и не будет – ни когда, ни у кого.

Шаги. Быстрые шаги раздалились за моей спиной...

Остановившись, я обернулся... Чириканье и стрекот тут же застыли в воздухе и той самой застывшей нотой стали вкручиваться болью в мозг. Летняя стужа медленной волной протянулась по коже, поднимая дыбом каждый волосок. Воздух встал поперек горла.

Леха!

В десяти шагах от меня!

...

Он быстро приближался...

ГЛАВА 11,

в которой наш герой борется за свое сознание нестандартными способами

Я сидел дома, на кухне и... квасил по черному.

С того самого момента, как капитан Петров завез меня с кладбища домой, я уговорил бутылку коньяка и нашел общий язык с литровкой текилы. Лимон? Какой лимон, какой букет, какое послевкусие – налил стакан, глотком выпил, выдохнул и... повторил сначала.

Сколько я пропустил таких стаканов, не знаю, но я был трезв – ни малейшего ощущения опьянения. И Кот знал, что я трезв, иначе не стал бы он лезть ко мне, а значит, высококачественное дорогущее спиртное потрачено впустую.

Вообще-то я не пью, почти не пью, лишь за компанию, не часто, не много и в основном вино. Так что урон, понесенный нашим баром, можно объяснить лишь той скорбью, которой я напился на кладбище, и тем чудовищным для моего разума взрывом, в мгновение разметавшим эту скорбь.

Леха подошел ко мне почти вплотную.

Я сразу же вспомнил, что помимо русой хлипкой бородки, забавного сплюснутого носа у него еще всклокоченная короткая стрижка. И сейчас все это, только что закопанное под землю, стояло в полуметре от меня, и смотрело полными

печали, опухшими, покрасневшими глазами.

Стужа, проникшая сквозь мою кожу, кажется, не только вымораживала меня изнутри, но и замедляла само время.

«Леха?» – я не мог воспринять ЭТО НЕЧТО как-то иначе – пытался улыбаться.

А потом в той самой замедленности времени раздался звук, словно лопнул воздушный шарик: «Па-аф!» Затем еще раз: «Па-аф!», «Па-аф!». И каждый раз «Леха» вздрагивал, его губы, теряя улыбочивость, выгибались вниз, а в глазах импульсом проскальзывал испуг.

После третьего звука «парнишка» рванул вперед, мимо меня, бросив на ходу голосом Лехи: «Нам нужно поговорить, срочно».

Возможно, звучание его голоса, такого всамделишного, теплого и живого, вернуло мне ощущение реальности.

Я повернулся вслед за ним и даже хотел прокричать «Погоди!», но проклятие ботинок оживило и вцепилось в меня, принуждая не думать, а только смотреть на его ноги.

Те самые древние мокрые, ботинки – не кроссовки, с каждым шагом удаляющегося «Лехи» они не только меняли свою форму и цвет – они высыхали!

А потом вершина абсурда.

Раз – и «парня» не стало!

Был – и нет!

Исчез, как в долбаном фантастическом фильме. Лишь взметнувшееся облачко пыли и звук выплеснувшегося сжа-

того воздуха: «Па-аф!»

Сколько прошло времени – не знаю. О чем я думал – не помню. Что заставило меня обернуться – не представляю.

На дороге со стороны зоны захоронения потерянных душ стояли три человека, и (вот оно, продолжение ирреальности) они оказались закутанными в светло серые балахоны, с головами, скрытыми под громадными ткаными капюшонами.

Помню, что я двинулся к ним. Зачем? – Не представляю.

Помню, как облик ближайшего ко мне начал меняться, его словно окутало дрожащее марево, а балахон будто бы растворялся. Я успел отметить, что фигура под исчезающей одеждой – женская, и тут раздались вскрики. Все трое вдруг побежали прочь от меня и вдруг – «Па-аф», «Па-аф», «Па-аф» – исчезли.

Вот тогда-то мои ноги и подкосились. Я сел там, где стоял: посреди дороги, в пыль.

Не знаю, сколько прошло времени, пока я услышал и осознал приближающиеся шаги.

– Ну, как вы? – спросил сочувственный голос капитана Петрова у меня за спиной.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Расщепление

ГЛАВА 12,

странная

Прикосновение Кота подобно легчайшему дуновению. Не иначе этот негодник каким-то образом знает, когда мой сон переходит в легкую стадию, и именно тогда касается кончика моего носа. Его прикосновение почти неуловимо, воздушно, но настолько действенно, что я сразу открываю глаза, и первое что вижу – два больших бесконечно мудрых (ей-ей не вру), светящихся изнутри темной зеленью глаза.

Восемь лет почти каждую ночь повторяется эта сцена, что, конечно же, говорит о запредельной степени избалованности нашего персонального сфинкса. Давным-давно, когда крошечный, безволосый, розовый как младенец и немыслимо горячий котенок лишь поселился у нас, он постоянно жалобно мякал и, казалось, все время мерз. Мне его было жалко настолько, что, вопреки здравому смыслу, советам котозаводчицы и просьбам жены, я вставал по ночам и кормил большеухого малыша кошачьими консервами. С тех пор ушастик превратился в огромного, почти девятикилограммового монстра, но привычка вкушать по ночам свое излюбленное блюдо осталась. Причем, к удивлению жены и сына (я подозреваю, что они просто завидуют), такую побудку он устраивает лишь мне. Эдакая своего рода избранность, воз-

можно, и не позволяет мне все эти годы отмахиваться от его ночных домогательств.

Вот и сейчас, открыв глаза, я почти провалился в зеленую, горящую голодную бездну.

«Опять! Нееет... – подумал я, прежде чем осознал, что моя голова раскалывается.

Боль ощущалась подобно кольцу Сатурна: на периферии, в удалении, вращаясь вокруг головы.

«Надо меньше пить... воистину... – подумал я, – а может быть, чаще...».

Зеленая бездна передо мной отдалилась и приняла форму настырных кошачьих глаз.

– Задолбал..., – пробормотал я обреченно и попытался встать с кровати.

В следующее мгновение я забыл и про боль, и про зеленую бездну: испуг разметал все.

«Где я!?!» – закричала новая мысль: вокруг темнота и почти живой, шевелящийся запах полыни.

Я лежал не на кровати, а на чем-то жестком, холодном и, как подумалось мне, простирающемся в бесконечность. Под ладонями ощущались комки: большие и маленькие, твердые и рассыпающиеся – мучнистые.

«Земля? – с удивлением спросил я самого себя, – Почему? Откуда...». Но ответа не было, да и времени на раздумья не было тоже: крошечная тьма, тишина и горечь полыни, казалось, проникали в самое сердце. Я ощущал, как оно

сжимается и колотится все быстрее, истеричнее, громче...

Вскочив на ноги, я выставил руку вперед и сделал осторожный шагок.

– Мя-у, – раздалось у меня за спиной в тот момент, когда моя рука наткнулась на стену. Холодная, твердая, осыпающаяся земляная стена показалась мне бескрайней: я касался ее пальцами, ощупывал слева от себя, справа, сверху, но она продолжалась и продолжалась.

Мой мозг, оглушенный пулеметными выстрелами сердца, с невероятной скоростью рождал мысли, одну жутче другой. Я отмахивался от них и, подобно неверной дымке, они исчезали, но освободившееся место тут же занимали другие, такие же ужасные. Калейдоскоп кошмарных придумок менялся, но постоянным оставался вопрос, ответа на который не было, и именно это вселяло в меня подлинный ужас. «Где я?» – спрашивал я себя снова и снова, двигаясь вдоль стены и беспрестанно ощупывая ее.

– Мя-у, – прозвучало еще раз, теперь гораздо громче и однозначно настойчивее.

Во тьме проявились два зеленых огонька.

«Нашел же ты время, – подумал я, – где я возьму эти гребанные консервы».

Точно услышав мои мысли, огоньки исчезли.

Лезвие страха – «Теперь я совсем один!» – полоснуло мне сердце, но новое: «Мя-я-у!» и вспыхнувшие в отдалении зеленые глаза смягчили возникшую боль.

– Мя-я-у! – еще раз, очень громко и нетерпимо.

«Да подожди ты!» – хотел прокричать я, но Кот меня опередил.

– Мя-я-у-у-у!!! – завопил он пронзительно, долго и злобно, и я понял, что меня только что назвали «земляным червяком».

С возникшей мыслью: «А вдруг он действительно что-то знает» я уступил зову Кота и, удерживаясь рукой за неровность стены, осторожно отправился в сторону нетерпеливых огоньков.

Едва я до них дошел, как зеленые глаза исчезли, но через мгновение показались вновь, уже гораздо дальше.

– Мя-я-у-у-у!!! – послышалось с той стороны.

– Сам дурак, – обиженно пробормотал я, но продолжил двигаться вслед за глазами.

И вновь я один в крошечной тьме.

Через секунду зеленые огни появляются снова, но теперь не в стороне, а надо мной. Как ни в чем не бывало раздается мирное: «Мя-у» – и я понимаю, что Кот приглашает меня выбираться наверх.

Я поднимаю руки и обнаруживаю над головой неровный земляной край. Дальше все просто – нехитрое гимнастическое упражнение и... передо мной луна. Гигантская обесцвеченная луна, словно вырезанная из бумаги, в абсолютно черном, черном небе. Я стою на краю огромной, черной, как небо, ямы, вдыхаю по-прежнему полынный воздух и разли-

чаю далекие отблески костра.

– Мя-у, – раздается позади меня.

Оглянувшись, я замечаю призрачного в лунном свете Кота. Его зеленый взгляд кажется удовлетворенным и все еще требовательным.

– Ах ты, мой красавчик, – говорю я и подхожу к Коту, – спасибо, малыш, выручил. – Я глажу его, почесываю за ухом, а Кот жмурится, громко мурчит и трется о мою ногу. – Ну, теперь моя очередь вести тебя, – говорю я и делаю шаг в сторону костра, – пошли за мной.

Под непрерывное котовое «Мя-у! Мя-у...» я подхожу все ближе к костру, и тут огонь вспыхивает необычайно сильно. За долю секунды я успеваю увидеть людей, даже обрадоваться им, и вдруг точно пелена спадает с глаз моих: я замечаю бесчисленные холмики, убегающие в темноту, и табличку на каждом.

«Кладбище!»

Уже забытое болевое кольцо Сатурна тут же материализуется и сдавливает голову болью снаружи, в то время как другая боль пытается взорвать череп мой изнутри.

– Мя-я-у-у-у-у!!!... Мя-я-у-у-у-у!!!... – вопит Кот, подобно иерихонской трубе.

Люди у костра поднимаются, оборачиваются ко мне. Их лиц я не вижу, но ощущение, что знаю каждого из них, становится все сильнее.

Воздух, несущий в себе саму душу полыни, обжигает гор-

тань, я задыхаюсь и сквозь кашель пытаюсь разглядеть стоящих у костра, но вижу лишь контуры на фоне яркого мятущегося пламени.

Вдруг за костром возникает движение и словно из пламени появляется человек – цыганка, ее я узнал тотчас же!

Звук несущейся к земле авиационной бомбы заполняет собой все вокруг, и я ощущаю, как моя голова взрывается, разбрызгиваясь фейерверком мозга, пыли, времени... ПАМЯТИ...

«Позолоти ручку, дорогая, что было, что будет...»

...Я кричу и вырываю свою руку из горячей маминой ладони. Я бегу, куда глаза глядят, бегу, бегу... спотыкаюсь и падаю. Я лечу вниз, во тьму...

В крошечной тьме я открываю глаза. В голове слет юных барабанщиков, и каждый из них долбит в свой проклятый инструмент. Напротив – два невероятно мудрых, по-прежнему нетерпеливых и голодных зеленых глаза.

– Задолбал... – обреченно бормочу я и, преодолевая нежелание, опускаю ноги с кровати.

ГЛАВА 13,

жена, похмелье и другие неприятности объединяются против нашего героя

Наступившее утро одарило меня громкими и препротивными воплями будильника – телефон вибрировал, прыгал и верещал – и какой-то особенно извращенной головной болью. Поднимаясь с кровати, я мечтал лишь об одном – об острой гильотине. Когда же я вышел из спальни, то в дверях квартиры застал Анютку. Она стояла с неизменной спортивной сумкой на плече (ее плавание по утрам меня восхищает и убивает одновременно) и огромным портфелем в руке. Взгляд моей чаровницы медленно поднялся от моих ступней к моей голове, и, когда наши глаза встретились, я услышал (неужели я это заслужил? не помню):

– Ты был как свинья.

Во взгляде Анечки содержалось столько укора, что я оторопело замер. Когда же мысли, все еще растворимые остатками выпитого вчера спиртного, сложились в какие-то слова, в прихожей никого, кроме меня, уже не было. Входная дверь закрылась со звуком мягкой дорогой тяжести, в замке трижды провернулся ключ, а я продолжал стоять и просто смотреть перед собой. Мой мыслительный механизм явно барахлил, он пыхтел, скрипел и никак не мог разогнаться.

Пребывая в состоянии эдакого полусуществования, я полпелся на кухню и здесь обнаружил Кота. Он, напряженный как струна, сидел на подоконнике и наблюдал за птицами, устроившими тусовку на соседском балконе. Увидев меня, о птицах Кот сразу забыл, спрыгнул на пол и, заговорщически посмотрев мне в глаза, стал тереться о мою ногу.

– Экий ты все-таки... – сказал я и в качестве своеобразного поощрения легонько пошлепал Кота по бокам. Тот тут же запрыгнул на стул, где лежал его чесальный коврик и, в ожидании длительного массажа, стал крутиться на нем, поглядывая на меня.

Но до игрищ ли было мне? После событий вчерашнего немислимого дня, обильных вечерних возлияний и ночи, потешившей меня невнятным кошмаром, который я тем не менее помнил до последнего жеста, до малейших эмоций, мне хотелось совсем другого.

Таблетка антипохмелина – раз, таблетка – два, ну и три – до кучи.

Я надеялся на чудо, но его не случилось: боль не ушла, она лишь слегка притупилась и по-прежнему ощущалась как нечто живое, скребущееся внутри головы. Все утро прошло под созвездием мерцающего похмелья.

На завтрак я ограничился лишь парой чашек эспрессо и, продолжая мучиться головой, отправился на работу.

Жужжащий сегодня особенно яростно офис встретил меня простреливающими мозг телефонными звонками, немис-

лимо громко разговаривающими коллегами, а ближе к обеду добил невозможно отвратительным запахом булочки с корицей.

«Что б вы подавились этой булочкой», – думал я, адресуя свое пожелание неизвестному гурману и почти задыхаясь от приторно-сладкого запаха.

Добавить другие нелестные пожеланиями я не успел: звонил мой телефон, не рабочий – мобильный.

– Алло, – пробормотал я.

– Привет, это...

Я увидел, как кожа на моей руке покрылась ордой огромных мурашек.

– ...Леха.

Я молчу. Мурашки на руке шевелятся, толкаются и меняются местами.

– Срочно нужно поговорить, – безапелляционно раздаётся в трубке, – приезжай на... – и он назвал станцию метро.

Человеческие качества, каковые меня бесят больше всего, – это беспардонная наглость и наплевательство на интересы других (особенно на мои), как случилось в эту минуту. Леху – или то, что казалось Лехой – совсем не интересовало, могу ли я приехать, хочу ли в конце концов, – приезжай и все.

– Нет, – ответил я и отключился.

Если краткость – сестра таланта, то сейчас я стоял на пороге гениальности.

Возмущение, моментально взбурлившее во мне, не только изгнало орды мурашек, но и свершило долгожданное чудо – головная боль вдруг ушла и мне сразу похорошело. В один миг солнышко за окном стало маняще желанным, офисные разговоры и трезвон телефонных аппаратов напрягать перестали и даже запах булочки с корицей, хоть еще раздражал, но ощущался не настолько гадким. Потому-то на следующий звонок я ответил уже с улыбкой, хотя знал – звонит все он же, настырный живой или нет Леха.

– Слушаю, – громче, чем нужно, сказал я.

– Владимир, нам правда срочно нужно поговорить...

– О как. Прямо срочно-срочно? – Сарказм в моем голосе просто зашкаливал. – У вас в загробном мире все делается в авральном режиме?

– Я не умирал, – едва слышно раздалось в телефоне.

– Да ты-ы что-о-о... – усмехнувшись, протянул я, почему-то в эту секунду ощущая легкое дуновение сострадания.

– Я все объясню, – сказал Леха уже чуть громче, – пойми, это очень важно, для всех.

– Всех? – воскликнул я так громко, что на меня стали оглядываться. – И сколько их, этих – всех? – добавил я уже тише.

– Тут все не так просто... я объясню, – голос на той стороне вновь стал чуть слышным, а я опять почувствовал, что внутри меня нарастает сочувствие. Мне хотелось съязвить, посмеяться, но ощущение страдания и боли с другой сторо-

ны телефона сдержало меня.

– Сейчас не могу, правда, – примирительно ответил я, успев назвать себя дураком, – встреча через двадцать минут и до вечера. Так что лишь после работы. Давай в районе восьми?

Несколько секунд Леха подумал и сказал:

– Я перезвоню через пару минут, хорошо?

– Договорились.

Леха не перезвонил, он прислал сообщение: «В 21:30 в парке таком-то... Налево от центрального входа, метров через триста живая изгородь, за ней три каштана и лавочка под ними. Устроит?»

Меня слегка смутила подобная его осведомленность о парке рядом с моим домом, в котором, к слову сказать, за последние три года я ни разу не был, и тем не менее я тут же ответил: «Да».

Если бы я мог предположить, чем закончится вечерняя прогулка, интересно, я так же скоро согласился бы на нее или все же задумался хотя бы на секунду?

ГЛАВА 14,

в которой неожиданная встреча заканчивается совсем неожиданно

Воспоминания о вечере того дня посещают меня часто, и каждый раз первое, что воскрешает память – косые лучи заходящего солнца. Я вижу, как они проходят сквозь листву каштанов, такие неестественно материальные, объемно-желтые с оранжевым отливом, такие ощутимо теплые и не по-земному трепещущие.

Затем в воздухе, пронизываемом этими лучами, появляются местечковые завихрения. Секунда, другая – завихрения начинают сгущаться, темнеть и принимают полупрозрачные и причудливые формы человеко-амеб, такие меняющиеся и перетекающие. Происходящее очень похоже на галлюцинацию, на всполохи воспаленного сознания, но один штрих добавляет ему вещественную четкость. Небольшой штрих, наделяющий почти жизнью те самые сгустки, плавающие в сиропе солнечного света – глаза. Черные клубочки, по два в каждом из парящих объектов – глаза, изливающие укольчатую, пронзающую дыхание ярость.

Медленно, не спеша (время еще позволяло), в задумчивости я шел по асфальтированной дорожке парка.

В очередной раз, пятый или шестой за сегодня, я спраши-

вал сам себя: «Зачем оно мне? Зачем мне все это надо?»

То, что случилось помимо моей воли и в чем я слегка поучаствовал, понятно: ключевым здесь является именно – помимо моей воли. Но сейчас-то зачем я пытаюсь усугубить ситуацию и осознанно совершаю движение в сторону непонятного? «Почему бы попросту не забыть все те странности, – спрашивал я себя, – не отмахнуться от них?» Вопросы, вопросы, вопросы – а где же ответы? Не знаю.

Возможно, все дело в том, что тридцать два года, точнее всю мою сознательную жизнь, я испытываю зудящую тягу к чему-то... необычному, эдакому, смешно сказать – сказочному. Звучит очень глупо. Думать же о таком, да еще достаточно регулярно, наверное, вообще вершина идиотизма, но... не отпускает. Мысли о чудесах меня не оставляют.

Наша обычная жизнь в обычном мире совсем не плоха, по крайней мере мне на свою было бы грех жаловаться: семья, любовь, друзья, работа. Но... (и опять то самое «но»...) во мне все еще продолжает жить та детская неудовлетворенность, словно обида на мир, казавшийся вначале одним, а в итоге представший совершенно другим: чудес, тех самых, что приходили мне в детских снах, не бывает. Когда-то я принял это и с тех пор просто жил. ПРОСТО жил до тех пор, пока полтора месяца назад не встретился с Лехой.

Немыслимая записка, несохнувшие ботинки и тот самый ощущаемый мною щелчок несуществующего механизма возникли как призрачное дуновение, настолько неулови-

мое, что я его не осознал. Лишь вчера, столкнувшись с умершим, но живым Лешкой на дороге между двух кладбищ, дуновение перестало быть не только призрачным, но и дуновением тоже. То был порыв урагана, разметавший туман моей жизни.

Я смутно помню свой шок и почти не помню своих поступков, но ощущение чего-то запредельного, невозможного и все же СУЩЕСТВУЮЩЕГО возникло в моем сознании и в доли секунды пропитало меня целиком. И теперь оно толкает вперед, превращая меня, совершенно нелюбопытного человека, в поборника этого порока: мне не только хочется узнать и понять, сейчас я хочу много большего – я хочу видеть, прикоснуться, участвовать.

Наверное, потому каждый мой шаг, приближающий к встрече, отдавался еще и легким импульсом страха: я боялся, что Леха, живой или не совсем, не придет.

Возможно, я настолько хотел увидеть нечто необычное, настолько загнал себя подобными мыслями, что вскоре у меня появилось ощущение, что с парком что-то не так. И с каждой секундой ощущение проявлялось все сильнее и сильнее.

Вначале вокруг я видел людей – очень много людей. Взрослые и дети гуляли по дорожкам, катались на роликах, скейтах, велосипедах, но чем дальше я отходил от центрального входа, тем меньше отдыхающих я замечал. Казалось бы, природа, воздух, красота там, впереди, в глубине парка, иди и наслаждайся (на великах так вообще без вариантов),

ан нет. Гуляющие предпочитали толкаться у ворот, на центральной аллее, а дальше не шли. Лишь изредка встречались одиночные выгульщики собак, да и то вид у них был, прямо сказать, не боевой – растерянно-напуганный, что ли.

Предаваясь удивлению о странном поведении окружающих, я не заметил, как оказался перед длинной зеленой живой изгородью. Аккуратно постриженная посадка высотой около полутора метров рассекала парк поперек и отделяла от него изрядную и, как оказалось, очень красочную лесистую часть. Здесь я сошел с убегающей в сторону асфальтовой дорожки и по газону двинулся вдоль изгороди, пока не дошел до самого ее края.

Едва я зашел за изгородь, передо мной открылся вид, как с открытки: три дерева, густые и раскидистые, скамейка с выгнутой спинкой под ними и два фонаря по сторонам от нее. Возможно, виной тому удачный ракурс, но, так или иначе, представшая передо мной художественность навсегда запечатлелась в моей памяти.

Я улыбнулся и подумал: «Ого... Леха-то еще и романтик... К чему бы все это?»

Впрочем, любоваться красотой места долго мне не пришлось: через несколько секунд из-за дерева вышел мужик из метро, тот самый невкусно пахнущий сосед. Он подошел к скамейке и помахал мне рукой, как бы приветствуя и приглашая присоединиться.

Я никак не успел среагировать на появление столь

нежданного человека: в следующее мгновение лучи заходящего солнца ожили и, обретая материальность, высветили вокруг него новую, страшную жизнь. Раздуваясь и опадая, словно паруса на неверном ветру, рядом с человеком возникли нечто, напоминающие иллюзии перегретого воздуха, но он их словно не замечал. Мужик из метро глядел на меня и... улыбался – так солнечно, так счастливо.

Одно из трех существ, что теперь телепенькались рядом с ним, в мгновение сжалось и, раскрывающейся пружиной метнувшись к человеку, исчезло внутри его тела. И тут же оно появилось снаружи, уже огромное, надувшееся, обретшее новый, почти черный цвет, струйками стекающий на траву.

Все случилось настолько быстро, что человек из метро закричал лишь спустя несколько секунд. За это время окрас существа почти полностью стек на землю и оно вернулось к первоначальной своей полупрозрачности.

Вскрик человека, похожий на болезненный вдох, лишь набирал силу, когда два других сгустка одно за другим метнулись в него. Они появились снаружи, истекая темнотой (это его кровь! – прошептал мой ошалевший разум) и сбросили на газон из своих аморфно меняющихся конечностей темные кусочки.

Боль человека не ушла в крик, стеная, она рухнула вместе с ним, на сочную зелень травы.

Я бежал. Я бежал к нему, но мог ли я чем-то помочь? Я

не думал об этом – просто бежал.

Вот тогда я увидел глаза, клубочки глаз тех существ и ощутил их ярость, уколами пронзающую мое дыхание. Существа двигались вокруг упавшего человека и глядели в мою сторону, точно поджидая меня, а потом, постепенно растворяясь в воздухе, исчезли.

Человек хрипел, давясь хлещущей через рот кровью и... улыбался. Он приветливо, как-то восторженно продолжал смотреть на меня. А я... во мне вопил страх и металась паника, и лишь одна мысль занимала собой все сознание: «Что делать?» И только руки мои, живущие без меня (я наблюдал за ними будто со стороны), касались лежащего на земле и ошупывали его.

Ни видимых ран, ни повреждений, лишь горлом кровь, без остановки, пузырясь.

Звоню! Кричу – «Человек умирает!!!» И так, много, много раз.

А потом он затих. Нет, не умер – просто перестал хрипеть и стонать.

Человек поднял дрожащую руку и коснулся моего запястья. Паника изнутри меня вдруг ушла. Мой взгляд расфокусировался, так что все закружилось перед глазами, а потом я увидел нечто похожее на млечный путь. Только мириады звезд были не белыми, они лучились краснотой.

«Хо-но-та» – произнес красный млечный путь и пришел в движение. Бесчисленные звезды закружились мерцающей

дымкой, и вдруг я увидел разворачивающиеся из образовавшегося тумана крылья.

«Хо-но-та» – услышал я еще раз, и видение исчезло. Лишь отголосок его – две сворачивающиеся спиралью красные вселенные – я видел в глубине глаз лежащего на земле человека.

«Хо-но-та» – проговорил сквозь кровь человек, и я ощутил, как моя кисть снова и снова ударяется обо что-то твердое. Его ослабевшая рука из раза в раз стучала моей кистью о его грудь.

«Рассекатель не позволит им...» – произнес человек из метро.

Красные вселенные в его глазах погасли, и странный человек умер.

И тотчас же где то недалеко раздался жутчайший вопль. Теперь я знаю, метафора – «крик, от которого кровь в жилах стынет» – вовсе не ерунда, придуманная для красного словца. В мгновение прозвучавшего ужасного крика именно моя кровь превратилась в ледяное желе.

ГЛАВА 15,

раскрывающая капитана Петрова с новой стороны

– Владимир?

Небольшой ярко освещенный даже в столь поздний час аквариум: неугомонные гупешки, устроившие хоровод вокруг длинного зеленого куста водорослей, поднимающиеся вверх и щекочущие слух пузырьки воздуха, и где-то там, снаружи: «Владимир!?»

Вынырнув из крошечного подводного мирка, я ощущал сердцебиение и озноб. Прошло несколько секунд, прежде чем мой взгляд сфокусировался на хозяине кабинета.

– Да, господин капитан, – отозвался я и добавил уже с иронией, – или все же... товарищ?

Напротив меня за столом сидит огромный человек. Его лицо, как мне кажется, напряжено, а взгляд уже не пытается исподволь проникнуть в меня, он неприкрыто рвет мою волю на части.

Капитан полиции Петров проигнорировал мою насмешку и неторопливо, увесисто сказал:

– Мне хорошо известно, что вы, Владимир, скрыли часть фактов...

«Откуда же тебе такое известно», – думаю я.

Когда капитан говорит, его параллельные толстые губы

по-прежнему почти не двигаются, и это все еще меня забавляет.

– ...не все рассказали про необычные вещи, которые были у того парня, Алексея...

«Оба-на! Каков поворот, однако».

– ...и это его ботинки. Вы думаете, я не заметил?

«Вы думаете, я попался?» – мне хочется ответить именно так, причем полностью подражая манере самого Петрова, только добавить побольше сарказма, но вместо этого я говорю:

– Нет.

– Я надеюсь, вы обратили внимание, что мы беседуем без записывающего устройства?

«Ого, заговорщические нотки в тоне капитана?»

– Да.

– Вы должны понять, Владимир, я на вашей стороне и пытаюсь помочь...

«О как!»

Я изо всех сил сдерживаю себя, чтобы не расхохотаться капитану в лицо, и все же насмешливой улыбки скрыть не могу.

– Бог с ними, с ботинками, – продолжает тем временем капитан, – по сути, это не столь важно, но то, что вы пытаетесь скрыть сейчас, чревато огромными непредсказуемыми последствиями для всех.

«Всех?»

Фразу про неких «всех» я уже слышал. Она меня зацепила, но так и осталась нераскрыта, и вот снова появляются те самые безликие «все».

– Всех!? – переспросил я, – это вы о ком, капитан?

Губы Петрова сомкнулись так плотно, что белыми полосами выделялись на его загорелом лице. Непродолжительную тишину разбавляли лишь пузырящиеся звуки аквариума да гудение светильников над головой.

– Хо-ро-шо, – по слогам произнес капитан, – я расскажу вам про... Всех, хотя не имею на это права, но после того, как вы, Владимир, скажете мне, где книга?

«Ничего себе, капитан големов взволнован или и это мне показалось? Неужели такое вообще возможно?»

– Книга? – удивленно переспрашиваю я. – Какая книга?

Петров привстал и, опершись ладонями о столешницу (его огромные пальцы побелели), наклонился ко мне. В каре-красных глазах капитана мне почудилось разгорающееся пламя.

– Книга, что была у Мастера! – в своей манере, растягивая слова и делая ударение на каждом, проговорил он.

«Вот сейчас он точно меня убьет», – успел подумать я, прежде чем произнес:

– Мастера? Какого мастера?

Нет, до кровопролития не дошло, да я бы и не дался: он, конечно, здоровее меня, причем значительно, но я однозначно проворнее. Секунд через десять после моего ответа ги-

гантский человек просто рухнул на свое место. Несчастный стул всхлипнул, но не развалился. «А было бы забавно» – подумал я.

Пока я наблюдал за нахмуренным и сосредоточенным лицом стража порядка, в моей голове, подобно веселому мячику, подскакивало сказанное Петровым слово – Мастер. Слово прыгало, не давая себя поймать, и, ощущая свое бессилие, я чувствовал, как моя новоявленная болезнь – любопытство – прогрессирует невиданными темпами. «Мастера? Мастера чего? Мастера в чем? – думал я, ругая себя за излишний сарказм, насмешки и подколки в адрес огромного и, кажется, далекого от юмора человека. – Теперь обиженный Петров точно ничего не расскажет. Ни-че-го! И все мои мучения совершенно напрасны!»

Под «мучениями» я подразумевал несколько часов непрерывного допроса, на который меня привезли напрямиком из парка.

Следователи А, В и С (они, конечно, представились, но я не запомнил), разместились вокруг меня на стульях, а хозяин кабинета и председательствующий допросчик, капитан Петров – за своим столом; и понеслось.

Я аккуратно, не спеша, выверяя каждое слово, рассказывал снова и снова достаточно упрощенную версию случившегося.

Признаюсь, дурная идея: поведать, как все происходило на самом деле, с той жуткой красочностью и моими кошмар-

ными мыслями, меня посетила: интересно же посмотреть на реакцию капитана и его приспешников. К счастью, идее той я не поддался, рассудив, что в психушку мне вовсе не хочется. Рассказ же про сгустки воздуха, проходящие через человека, выкачивающие его кровь, да еще выдирая внутренности, не говоря уже про то, что случилось позже, – это прямая дорога в дурку. Потому-то я рассказывал, как все и было, лишь опуская неестественные моменты.

Надо сказать, сам процесс фильтрации разговора, когда любая лишняя информация обязательно тебе же выйдет боком, требует невероятной усидчивости и самоконтроля. Я же, к моему глубокому сожалению, этими качествами не обладаю. Потому-то во время пересказа я не просто переживал, – я жутко нервничал, причем старался скрывать еще и факт своего нервничания. В итоге временами я нес форменную ахинею.

– Вдохновленный сегодняшней прекрасной погодой, я гулял по парку, наслаждаясь природой и всяческими красотоми...

– Жена? Какая жена? Ах, моя жена. К сожалению, она горит на работе и не смогла разделить со мной всей прелести такого чудного вечера. Но теперь-то, после случившегося, она непременно захочет прогуляться и своими глазами увидеть место трагедии. Женщины, что с них взять...

– ...как вдруг услышал крик, из-за той самой живой изгороди. Я, надо сказать, человек равнодушный... Вы да-

же не представляете, насколько я страдаю от этого качества, постоянно вляпываюсь в разные катавасии... и потому побежал туда, огибая эти долбаные посадки...

– Да, согласен – ступил, нужно было бы проломиться сквозь изгородь. Что тут поделаешь, не догадался.

– ...а там на земле лежит человек. Когда я подбежал к нему, он лишь стонал, хрипел и изо рта у него шла кровь. Глаза широко открыты, но он, кажется, ничего не видел...

– Да, бормотал что-то, но я не понял.

– Я был просто шокирован, узнав в нем мужика из метро. Капитан не даст соврать, насколько этот человек был странным и как он меня тыкал своей сумкой где-то с месяц назад.

– ...однако это не помешало мне позвонить и вызвать «скорую», которая приехала слишком поздно, к тому времени человек умер.

– Помощь? Какую помощь я мог ему оказать? Наложить жгут на горло? Он дышал, а ощупывать, исследовать – так я не врач. Эдак только хуже можно сделать, разве нет?

По уже известной мне полицейской традиции допрос прерывался неоднократными остановками. Меня перебивали, переспрашивали, заставляли скакать по времени – наверное, пытались вывести на чистую воду. К чести моего огромного «друга» Петрова замечу, что он на протяжении всего времени молчал (лишь раз хмыкнул, когда я невзначай помянул его), предоставив истязать меня своим младшим товарищам. Возможно, они проходили практику, как студенты-ме-

дики оттачивают свое мастерство на особо больных пациентах. Эти трое тиранили меня по очереди и сообща, я же, помимо того что был вынужден контролировать свои слова, никак не мог отогнать, даже на время, будоражащие мое сознание мысли.

Сидя на допросе, вопреки здравому смыслу я испытывал нечто похожее на эйфорию. И не мудрено: буквально несколько часов назад другая сторона жизни пусть трагично, но совершенно явственно открылась мне. Я хотел увидеть ее еще раз, и она как будто хотела того же: меня засасывало и растворяло в воспоминаниях. Прикладывая немалые усилия (еще и в борьбе с памятью), я, как попугай, снова и снова повторял спасительную фразу: «Я не знаю». И в тот момент, когда вопросы дошли до расположенных почти по окружности кровавых брызг и кусочков плоти, фраза «Я не знаю» оказалась единственным, на что я мог опереться.

– Не знаю, не обратил внимания, – отвечал я, – человек умирал на моих руках, мне было не до того, чтобы смотреть по сторонам.

Поверили моим рассказам или нет, меня совсем не волновало.

В конце концов допросчики – менты-стажеры, как я их называл, ушли и мы остались вдвоем – я и капитан Петров. Именно тогда возникшая пауза и несколько секунд тишины сыграли с моим утомленным, но алчущим чудес разумом нехорошую шутку. Зацепившись взглядом за аквариум,

наблюдая за движением воздушных пузырьков и снующих между водорослями рыбок, я вдруг увидел стволы деревьев, скамейку... Из ниоткуда возникла моя рука, потянулась вперед, и под моей ладонью оказалось что-то твердое. А потом как-то сразу проявилось тело лежащего на траве человека и... повторился ужасающий крик.

– Владимир? – Я понимал, что меня зовут, но отреагировать на слова капитана сразу не мог. – Владимир!?

Когда же я вновь осознал себя в кабинете Петрова, то заметил, как капитан почти картинно отключил и убрал диктофон.

Увы, итог нашей с ним беседы оказался более чем скромным: ни я, ни капитан свои карты так и не раскрыли. Мне, по крайней мере, удалось узнать, что человек из метро был неким «мастером», а вот капитан однозначно остался ни с чем.

Я сидел на стуле и наблюдал, как на лице Петрова едва заметно отражается внутренняя борьба. Он явно хотел узнать про книгу, но делиться взамен информацией капитан либо не хотел, либо, как говорил, не мог.

В конце концов машина-человек поднялся из-за стола и, пройдя два раза по комнате, пробасил:

– Мы обязательно продолжим эту неофициальную, – с особым ударением, – беседу, но чуть позже.

Черт меня побери, я не мог поверить в то, что чувствовал, но в этот момент я очень хотел, чтобы это «чуть позже» про-

изошло как можно скорее.

ГЛАВА 16,

не только связывающая между собой предыдущие главы, но и раскрывающая Главную Тайну

Итак, к двум часам двадцати минутам восемнадцатого августа в немыслимых и невероятных событиях, вольно или невольно, приняли участие:

Я – непреднамеренно, но по устоявшейся идиотской традиции добровольно вляпавшийся не пойми во что.

Леха, он же призрак Лехи – эдакий «подставщик» и втравливатель меня в каждый эпизод произошедших приключений.

Мужик из метро – некий Мастер, ставший жертвой... чего? Вопрос не просто нуждался, он буквально требовал отыскать на него ответ, причем как можно быстрее.

Капитан Петров, или капитан големов (мне так больше нравится) – совсем не простой полицейский и очень неплохой притворщик.

И наконец, моя обожаемая Анечка – несчастная жертва недальновидности, беспечности и других качеств своего мужа – то бишь меня.

Когда я вышел из здания полиции и направился пешком домой (благо недалеко), то, прокручивая в голове этот «расстрельный список», изо всех сил заставлял себя думать о без-

винно пострадавшей стороне – об Анютке. Я не только напоминал себе, что именно по моей вине она коротает ночь в одиночестве, в холодной постели, но и убеждал себя продумать достойное объяснение своего нового «увлекательно-го», да еще столь позднего приключения. Но как же мне было тяжело: я никак не мог справиться с памятью, что неудержимой и своенравной волной затягивала меня в свою глубину. И в какой-то момент, я даже не заметил, как поддавшись ей, точно по волшебству, я вдруг опять оказался под сенью каштанов. Я увидел почти исчезнувшие солнечные лучи (они слились в один затухающий вечерний свет), себя, стоящим на коленях перед трупом Мастера и услышал парализующий меня чудовищный крик.

Кошмарный вопль звучал по нарастающей и нес в своей основе что-то такое, от чего мое самообладание съежилось и попыталось забиться в глубь души. Достигнув апогея, крик обрывался и через мгновение возникал снова.

Преодолевая охватившую меня скованность, я поднялся на ноги и повернулся в сторону, откуда слышался вопль. На мгновение возникла тишина, затем крик повторился опять, и из зарослей кустов, метрах в ста от меня, выскочил... человек?

Человек! В светлом балахоне с капюшоном, скрывающем голову, он рывками бежал вперед и молотил руками воздух, точно отмахивался от преследующей его орды ос.

Лишь только я убедился в человеческой природе кошмар-

ного вопля, как почти предавшее меня самообладание поспешило вернуться. За долю секунды я не только решил, что под балахоном скрывается мужчина (возможно, тембр голоса тому поспособствовал), но и успел удивиться – чего же он так орет?

Меж тем события разворачивались с невероятной быстротой. Балахонщик метался по краю огромной лужайки, отделяющей каштаны со скамейкой от лесистой части парка, и, судя по хаотичным, рваным и непонятным движениям, пребывал в совершенно неадекватном состоянии. Иногда он забегал за деревья, потом опять возвращался на простор лужайки и, не прекращая орать, махал руками.

Аккуратно, стараясь не наступать на залитую кровью траву, я вышел за пределы кровавого круга и, подгоняемый обострившимся любопытством, осторожно двинулся навстречу вопящему субъекту. Между нами оставалось, наверное, метров пятьдесят, когда человек описал по лужайке дугу и в очередной раз устремился к посадкам.

Случайно или нет, но перед ним оказалось самое здоровенное дерево, и человек со всего маху, едва ли не ускорившись перед этим, врезался в него. Послышался глухой звук удара, тело в балахоне словно спружинило от ствола, отлетело в сторону и упало на землю. Поляну и окрестности тут же накрыло почти вещественной тишиной.

Когда жуткие вопли оборвались, я побежал к лежащему на земле, но, сделав с десяток шагов, ошарашено замер на

месте. То, что я увидел, вряд ли бы могло уложиться в голове нормального человека, но прекрасно вписывалось в сегодняшний вечер: крошечное грозное облачко зависло аккуратно над распростертым телом и атаковало его миниатюрными, но самыми что ни на есть всамделишными молниями. Затем я увидел небольшие клубы разноцветного дыма – грязно-зеленые, белесо-бурые, темно-фиолетовые, – ядовитыми испарениями поднимающиеся над светлым балахоном и растворяющиеся в воздухе в полуметре над ним.

Прошло какое-то время, прежде чем я (любопытство неудержимо толкало вперед) решился двинуться дальше, но, не сделав и пары шагов, опять остановился. Сначала я услышал негромкое, но очень злобное тьяканье, а затем, продираясь сквозь кусты живой изгороди, на поляну выскочил йоркширский терьер – девочка, судя по большому розовому сбившемуся банту. Агрессивная собачонка подбежала к лежащему на траве человеку и остервенело вцепилась ему в руку.

Теперь меня подгоняло вперед не только любопытство, но и желание отогнать злобную животину. Я почти побежал, но рев и хрипение, послышавшиеся за моей спиной, заставили меня остановиться и обернуться.

Огромный, как бегемот, ротвейлер с выпученными, налитыми кровью глазами и пеной из пасти, подобно ожившей смерти, пронесся мимо меня, волоча по траве широкий и длинный поводок.

В тот момент я, кажется, потерялся: не в силах оторвать взгляд от жуткой собаки, словно лишенная мыслей сомнамбула, я поворачивался вслед за ней.

Открывшаяся мне картина достойна воссоздания в хорошем фильме ужасов: две собаки (к йоркширу успел присоединиться большой белый лабрадор), рвали бесчувственное тело несчастного. Девочка с розовым бантом по-прежнему драла руку, лабрадор же, кровожадно рыча, терзал выпроставшуюся из-под балахона ногу. Через секунду к ним присоединился ротвейлер. Хрипя и давясь воздухом, он подскочил к лежащему человеку и сомкнул на второй ноге свою кошмарную пасть.

В наступившем моменте безвременья все мысли меня покинули, и лишь одна – «По-че-му-Он-Мол-чит!» – отбойным молотком стучала в висках.

«По-че-му-Он-Мол-чит!» – И я опять побежал!

Очередной порыв помочь человеку закончился еще быстрее, чем предыдущие: что-то огромное налетело на меня со спины и, подобно фуре, врезавшейся в крошечную машинку, отшвырнуло в сторону.

Воткнувшись лицом в газон, я дышал пылью, жевал траву и извергал потоки самых скверных ругательств. Когда же, отплевываясь, задыхаясь и кашляя, мне удалось собрать себя и подняться на колени, трагедия, вершащаяся передо мной, походила на сцену из театра абсурда.

Я видел, как закутанное в светло-серую ткань беззвучное

и безжизненное тело волокут по траве, трясут и раздирают на части три взбесившиеся собаки. Рядом с ними, размахивая руками и истерично выкрикивая «Фу, Карли, фу!», подпрыгивает блондинистая девица в розовых шортах и с розовым бантом в волосах. Пожилой седой мужчина в огромных очках тянет (абсолютно безрезультатно) лабрадора за поводок и что-то невнятно бормочет. Еще один огромный мужик (некое подобие капитана Петрова, только очень толстое) охаживает бока ротвейлера здоровенной ветвистой палкой. И как апогей бедлама – черная тучка, без устали разрождающаяся грозowymi разрядами все в того же несчастного.

Впрочем, назвав апогеем тучку, я несколько поторопился: кульминация наступила чуть позже. Послышался громкий, не менее яростный, чем рев ротвейлера, кошачий вопль – и взявшаяся неизвестно откуда пегая кошка кинулась в свалку. Она запрыгнула сверху на все того же лежащего на земле и, издавая душераздирающие вопли, принялась кромсать серую ткань балахона.

Появление кошки, похоже, кроме меня заметила лишь девица в розовом: она запрыгала еще чаще и так громко заверещала, что заглушила собой все остальные вопли. Ни собаки, ни оба мужчины на кошку даже не посмотрели: они занимались своими делами – животные пытались разорвать человека, а люди – оттащить их прочь.

Я уже стоял на ногах, когда воздух вдруг наполнился светом, словно солнечные лучи вновь обрели мощь, затем сгу-

стился, и недалеко от тела, между всей этой вакханалией и мной, возникло что-то колышущееся.

Через несколько мгновений возникшее нечто преобразовалось в полупрозрачную женщину, одетую в точно сотканые из дымки одежды. Ее длинные развевающиеся белые волосы парили, а сама женщина плыла невысоко над землей, подобно призраку из мультфильма. И все же видение оказалась реальным, потому что именно женщина положила конец происходящим бесчинствам.

Собаки, кошка, люди как подкошенные рухнули на землю, едва призрачная незнакомка возникла рядом с ними, и только невозможная туча по-прежнему вонзала, не знаю, в живого ли еще человека злобные молнии.

И вдруг я осознал, что медленно и неотвратно приближаюсь к призраку, шагок за шагом, все ближе и ближе.

Дальнейшее спрессовалось в мгновения.

Женщина поворачивается ко мне, поднимает руку и указывает ею на меня. Меж ее полупрозрачных пальцев возникает сияние...

Я продолжаю идти.

...глаза призрака наполняются удивлением; из сияния рождается сфера, словно состоящая из молний, и движется ко мне...

Я продолжаю идти.

...сфера меркнет и шагов за пять до меня исчезает...

Я продолжаю идти.

...воздушная красота женщины трепещет, белые сверкающие шарики ее ожерелья мутнеют, а проглядываемые вначале сквозь женскую полупрозрачность деревья исчезают.

Я продолжаю...

Призрачная женщина вдруг обретает цвет, теряет воздушность и оказывается стоящей на газоне, ее одеяния уплотняются и обвисают.

Я слышу громкий всхлип: «А-а-х-х!» – женщина двумя прыжками отскакивает в сторону и исчезает, а вместе с ней пропадают человек в балахоне и злобная тучка, лишь высоко в небо взмывает искрящийся полупрозрачный шарф, словно память, оставшаяся от призрака. Но «память» длится недолго – шарф взрывается фейерверком бесчисленных искорок и они сверкающей пылью оседают на землю, обильно укрывая людей, собак, кошку.

Сказку разрушили звуки сирен.

Сквозь ошолобление я слышал подвывающие гудки и почему-то хотел кричать.

«Ты же сам их вызвал», – сказал голос внутри моей головы.

«Хо-но-та», – произнес уже другой голос.

Искрящаяся пыльца исчезла. Я заметил, как кошка вскочила на ноги и метнулась в сторону деревьев.

«Успеть... – произнес я, повторяя слова, звучащие в голове, – ты должен успеть...» Я ощущаю, как моя рука касается груди Мастера. «Рассекатель не позволит им...» – и кожаная

обложка книги, странно теплая, под ладонью.

Видение прошедшего исчезло под ослепительную вспышку и громогласный рев автомобильного сигнала.

Я вдруг осознал, что стою на проезжей части. Невдалеке, истерично мигая дальним светом и так же истерично гудя, стоит небольшая машинка. Водителя я не вижу, но, судя по первой пришедшей мне мысли – «Что ж ты так среди ночи на клаксон давишь, дура», – думаю, что за рулем женщина.

Мне смешно, и вовсе не потому, что, подобно лунатику, я вышел на проезжую часть. Мне смешно, и я готов разрыдаться от счастья: именно в этот момент мое сознание утвердилось в существовании другой жизни кроме теперешней, будничной. И не будь рядом сигналившей мне женщины, я, наверное, стоял бы посреди дороги и плакал, как ребенок, у которого сбылась самая несбыточная мечта.

Отвесив гротескный поклон вопящей машине (актер из меня еще тот), я, улыбаясь, вышел на тротуар. А дальше (надеюсь, моя жена никогда не узнает об этом), не в силах сдержать распирающий меня восторг, я заорал во все горло и со всей дурью:

– Магия форева!

ГЛАВА 17,

где узелки непонятностей наконец-то начинают распутываться

Насколько все-таки восприятие окружающего зависит от нашего внутреннего состояния. Бывает, что серая грусть, одолевающая нас, побуждает видеть серые будни даже в солнечном летнем дне. А иногда распирающие нас восторг и радость раскрашивают мазками счастья уныние поздней слякотной осени. В тот момент, когда эхо моего вопля – магия форева! – затихало между домами, мне казалось, что меня окружает сказка. А еще секунд через двадцать я уже бежал сквозь ту сказку по пустынной улице прямехонько к парку.

Уговаривать самого себя забрать спрятанную мной книгу Мастера (причем забрать именно сейчас, не дожидаясь запланированной утренней пробежки), долго мне не пришлось. «Разве не о чем-то подобном ты мечтал всю свою жизнь? – спросил я себя и тут же добавил: – Это наверняка крутейший артефакт: недаром Петров так жаждет наложить на него свои лапы». Фантазия тут же нарисовала гиганта Петрова, раздвигающего кусты живой изгороди и протягивающего огромные ручки к лежащей между стволов кустарника присыпанной травой книге. И мог ли после такого я ждать до рассвета?

Только не подумайте, что в тот момент я забыл об Анютке: конечно же нет. Я подумал и о ней и... о том, что моя девочка все равно уже спит, а десять-пятнадцать минут моего отсутствия ничего не изменят. «Одна нога здесь, другая там», – сказал я себе и что было духу рванул в сторону парка.

Пока я бежал, ощущение почти осязательной сопричастности к окружающей меня сказке буквально витало в воздухе. Пересекая центральную аллею парка, я отметил, как по-новому в густом, маслянистом свете желтых фонарей выглядят выгнутые скамейки, клумбы меж ними и деревья, постепенно растворяющиеся в темноте. Когда же, добежав до живой изгороди, я обогнул ее, то буквально обомлел от вида, возникшего передо мной. То была гигантская, от земли до неба, «HDR фотография», мне бы хотелось сказать – сказки, но язык не поворачивается назвать увиденное столь добрым словом.

Скамейка, два ярко-белых фонаря по ее краям, шатер из неестественно зеленых листьев каштанов над нею и почти овеществленный черный круг на траве. Восторженность и эйфория, питающие меня еще секунду назад, сразу исчезли, и я остановился. Воспоминания о произошедшем вчера (уже вчера) воскресли в появившейся вдруг тревоге и едва слышном поскуливании внутри меня. Болезненно четкая, перенасыщенно темная – недобрая сказка поджидала меня впереди.

Я постоял, огляделся и, не заметив чего-либо необычного, точнее выбивающегося из окружения, не спеша направился

к каштанам.

До скамейки оставалось шагов десять, когда из-за дерева, о которое прошлым днем расшибся незнакомец в балахоне, вышла огромная человекоподобная туша и походочкой моряка двинулась напрямик ко мне.

Слово «туша» я употребил преднамеренно и в совершенно оскорбительном ключе, потому что приближающийся человек в тот момент ассоциировался у меня лишь с карой небесной.

Остановившись почти у скамейки, я наблюдал, как туша, расплываясь в столь не характерной для нее улыбке, подходила все ближе и ближе. Когда же она замерла метрах в двух от меня и мы, подобно двум дуэлянтам, продолжали изучающе смотреть друг на друга, восторженность последних минут окончательно меня покинула, и я облачился в броню иронии.

– Не спится, капитан? – спросил я, ухмыляясь.

– И вам, Владимир, доброй ночи, – ответил невозможно довольный Петров. – Замечательная ночь для прогулки, – его губы кривились, а в глазах плясал лукавый огонек, – я почему-то так и подумал, что встречу вас здесь.

«Ого, Петров ехидничает! – подумал я. – Интересно, это его скрытая сущность вырывается под покровом ночи или общение со мной развращает?»

– Профессионализм, его у вас не отнять, – сказал я, не пытаясь скрывать насмешку.

– Что есть, то есть, – на полном серьезе согласился Пет-

ров, – книгу могли взять только вы. Далеко спрятать времени у вас не было, а значит, она где-то тут, рядом с нами, – и капитан медленно развел руками в стороны, точно пытаясь объять необъятное.

– Боже мой, вы гуру дедукции, капитан. Старина Холмс рядом с вами просто младенец.

– Ну, да, так и есть, – без тени сомнения подтвердил капитан и опустился на край лавочки. – Присаживайтесь, Владимир, поговорим.

Внутри меня, вопреки изображаемому спокойствию, царили сумбур и нервозность. Я думал о книге, лежащей в кустах почти за спиной Петрова, и ругал себя за столь неудачно выбранное место для тайника.

– Вы очень любезны, капитан Петров, – ответил я, занимая место с другой стороны скамьи, подальше от капитана.

«А может быть, подскочить к кустам, схватить книгу и дать деру? Догнать он меня не догонит, а потом не докажет, что она не моя».

К счастью, я не поддался столь абсурдной идее и вместо игры в догонялки с капитаном големов неожиданно для самого себя выпалил:

– Рассказывайте правду и лучше не врите!

Хорошая фраза у меня получилась, но интонация, с которой я ее произнес, вышла еще лучше. Я говорил как злой полицейский из боевика, точно мы с капитаном поменялись ролями.

В ответ на мои слова капитан Петров дружелюбно усмехнулся и неожиданно для меня сказал:

– Расскажу, расскажу. Разрешение я получил, да и без меня вы все узнали бы вскоре.

Повернувшись ко мне, капитан замолчал, а мое любопытство, до этого момента словно отсутствовавшее, не только вдруг появилось, но и взвыло от нетерпения. Если с любопытством я готов, так или иначе, мириться, то другое свое чувство, возникшее в ту же секунду, просто не переношу. О нем я, кажется, уже упоминал – сопереживание. Пока Петров молча сидел на скамейке, я вдруг ощутил непонятное сочувствие к огромному полицейскому. Но с чего? Да и какое мне вообще дело до душевных мук, мнимых или реальных, преследующего меня копа?

– Евстигней – звали человека, с которым вы столкнулись в метро и которого... – Петров замолчал, затем, после паузы, протянул руку и показал на хорошо заметный черный круг на траве, – ...здесь убили.

– Евстигней? – удивился я.

Поборов бестолковую жалостливость и придавая голосу непонимание, даже толику идиотизма («включить блондинку», как называет этот прием моя жена), я добавил:

– Убили?

– Вы постоянно врете, Владимир, – произнес Петров, не меняя интонации и, кажется, не веря в мой идиотизм, – точнее, вы постоянно, причем преднамеренно, недоговариваете

и скрываете факты, что вполне можно интерпретировать как ложь; но сейчас об этом не будем.

– Угу, выстраиваю препоны для следствия, по-сто-янно, – протянул я.

На мои слова капитан не ответил, он их будто не слышал.

– Да, его именно убили, – у меня вновь возникло ощущение внутри-петровского укола боли. – И я знаю, каким способом, но сейчас мы и об этом говорить не будем.

Не отводя взгляда от капитана, я лишь кивал головой, в то время как мое любопытство достигло невероятных размеров.

– У Евстигнея при себе была книга, которую вы, Владимир, спрятали...

Я хотел возразить, но Петров опередил меня:

– Подождите, я договорю, пока вы не успели мне откровенно наврать, – произнес он с интонацией воспитательницы детского сада. — Дело в том, что, в силу ряда особенностей этой книги и вашей личной особенности, Владимир, никто, кроме вас, не мог бы не то что спрятать ее, но даже просто взять в руки.

– О-чу-мель, – усмехнулся я. – А вы не допускаете, капитан, что при этом вашем Евстигнее той самой чудо-книжки могло и не быть?

– В силу все той же особенности книги и особенности самого Евстигнея, – медленно и – как, наверное, ему казалось – очень доходчиво выговаривал Петров, – книга всегда нахо-

дилась при нем и другого случиться просто не могло.

Капитан замолчал, а я не ответил: просто не мог, в этот момент мой внутриголовной кавардак разросся до критической массы.

Кое-как собравшись с мыслями, после продолжительного молчания, я все же сказал:

– Интересно вы рассказываете, капитан: там особенность, сям особенность. Оказывается, даже у меня есть некая особенность, о которой я не подозреваю все тридцать два года, что живу на свете. Может быть, не сочтете за труд и поведаете, что же это за особенности такие, как никак вы обещали все рассказать.

По окончании моих слов губы капитана дрогнули и словно через силу стали растягиваться в улыбку. Я же смотрел на его широкое лицо и ощущал непонятную вибрацию нервов.

– С одной стороны, все может показаться сложным, – неспешно сказал капитан, – Хотя...

«Па-аф!» – в ночной тишине раздался всплеск сжатого воздуха и в стороне, за деревьями, возникло неяркое свечение.

Подобие улыбки тут же соскользнуло с лица капитана, а в его глазах отдалась краснота. В тот момент как Петров поднимался на ноги, его ладони сжались в кулаки и стали походить на две огромные кувалды. Через секунду рядом со мной стоял человек, напоминающий самого что ни на есть настоящего каменного Голема.

В следующее мгновение случилось все сразу: из-за деревьев вышла девушка, «каменный Голем» сделал несколько шагов в сторону, точно закрывая меня от незнакомки, и я услышал пение птицы.

ГЛАВА 18,

подтверждающая, что красота – страшная сила

Одна из известных поговорок утверждает, что красота – страшная сила. Никогда бы не подумал воспринимать эти слова буквально, но той ночью под вдруг возникшие переливы голоса одинокой птицы я смог убедиться в недюжинной и действительно страшной силе, могущей обитать в красоте.

«Это не соловей!» – сказал я самому себе и тут же забыл о птице и о ее руладах: величественно, с ленцой к обомлевшему мне и напряженному капитану Петрову подходила умопомрачительная незнакомка. Ее длинное вечернее платье, настолько роскошное, насколько и неуместное для ночной прогулки по парку, казалось ярко-красным даже в полутьме. И этот шедевр, наверняка ручной работы, облегал, я бы сказал – идеальную фигуру. Открытые белые плечи, немалых размеров грудь, в бесстыдном декольте, длинная шея, огромные искрящиеся сережки и сверкающее кольцо источали агрессивную чувственность. Но... да простят меня мужики, не от вида всего этого великолепия я обалдел, тем более что разглядеть в подробностях очарование незнакомки смог лишь гораздо позже. С самой первой секунды, что я увидел идущую к нам девушку, меня сразило... свечение, движущееся вместе с ней. Вокруг красавицы существо-

вало нечто похожее на эллипсоид или кокон – прозрачный, не яркий, но отчетливо видимый. Этот кокон мерцал, и по его поверхности иногда пробегали всполохи, срывающиеся протуберанцами в ночь.

Можно ли утратить ощущение реальности больше, чем я в тот момент, когда созерцал супермодель, окруженную... «Энергетический барьер? Как в кино?» – крутилось в голове.

Можно!

Восхитительница остановилась шагах в пятнадцати от нас, ее ярко-алые губы изобразили улыбку (скорее хищную, чем обворожительную), и тут я заметил движение вокруг ее головы. Прошло время, прежде чем я осознал, что двигались волосы девушки. Черные, длинные, собранные в многочисленные пряди, они, извиваясь, ползали по ее плечам, поднимались в воздух и, покачиваясь, замирали, «установившись» на нас с капитаном, точь-в-точь змеи на голове медузы Горгоны.

Трудно сказать, сколько времени я бы мог находиться в состоянии прогрессирующего идиотизма (тупо хлопая глазами), но в этот момент брюнетка позволила себе вступить в переговоры, и это уничтожило магию красоты.

– Отойди от него нахер, ущерб. Этот хер пойдет со мной! – громко, надменно и очень картинно прокричала она.

О сила слова. О речь, достойная незабвенной Элочки Людоедочки – то была последняя капля, нарушившая метастабильность моего удивления. Оно рухнуло вниз, увлекая за собой остатки ошеломления, восхищения, – и я расхохо-

тался.

Я гоготал до слез, до икоты, до того момента, как слово «Сука», произнесенное капитаном Петровым, заставило меня посмотреть на него. Голем сейчас не выглядел как обычно бесстрастным: его лицо самую малость, но изменилось, и я читал на нем досаду.

– Ты сам напросился, тупой урод! – вскричала явно не дружелюбно настроенная красавица.

Волосы девушки разом отпрянули назад и тут же озлобленно ринулись в нашу сторону. На груди, в декольте, со звуком выстрелившей газовой горелки полыхнуло всамделишное пламя и тут же переметнулось на окружающий брюнетку кокон. Оболочка, едва мерцающая до сих пор, полыхнула живым огнем, и я почувствовал, как меня обдало жаром, несмотря на десять-двенадцать метров, отделяющие нас от девицы. С шипением и посвистом трава вокруг девушки стала дымиться, вспыхивать и обугливаться. Красавица взметнула руку, и из ее ладони в нашу с Петровым сторону вылетело что-то, напоминающее сгусток плазмы или ошметок вулканической лавы, глубоко оранжевый внутри и объятый клокочущим пламенем снаружи.

Дальнейшее произошло молниеносно: я, как распоследний идиот, лишь сумел открыть рот, Петров сдвинулся в мою сторону, явно желая закрыть меня от летящей штуки, и, прежде чем живая скала перекрыла мне обзор, я увидел, как оранжево-огненное нечто исчезает.

– Ва-у! – удивленный выдох Петрова утонул в немыслимом мато-извержении взбесившейся девицы.

Я вышел из-за спины капитана и увидел, как с рук красотки, только что выдавшей уникальный поток ругательств, один за другим срываются многочисленные ошметки расплавленной магмы и несутся в нас. В этот раз капитан Петров даже не попытался меня прикрыть. Он поглядывал то на меня, то на девицу и был похож на юного натуралиста, наблюдающего за удивительным природным явлением.

Огненные нечто в нас не попали: они, как и в первый раз, растаяли на подлете.

Вот тут-то ярость девицы и сдулась. Выражаясь ее языком, красавица охерела от такого, кажется, не ожидаемого ею финала. Хлопая глазами, девица тяжело дышала и выглядела очень растерянной. Впрочем, нужно отдать ей должное, растерянность быстро прошла и злодейка решила выкинуть еще один фокус.

На ее груди опять полыхнуло. Огненный кокон стал толще, превращаясь в оболочку бушующего языкастого пламени, почти скрывающего в себе истеричную огненную приму. Вокруг горела не только трава – кажется, сама земля полыхала. Жар, обрушившийся на меня, казался уже нестерпимым. Над нами послышался треск и звук, напоминающий болезненное, хриплое дыхание. Я поднял голову и посмотрел в небо.

Как описать свои чувства – не знаю. Глядя в черное

небо, разрываемое похожими на молнии, только огненными всполохами, я испытывал восторг, восхищение, удовлетворение...

Небо хрипело, чем дальше, тем громче и яростнее.

Моя голова кружилась.

– Тебя ресценут, тупая дура, – сквозь головокружение и восторг, как будто из другого измерения, услышал я негромкий, но четкий голос Петрова.

– Вот, вот, и будут правы, – сказал другой голос, от звука которого я вмиг «возвратился на землю».

Закашлявшись, точно подавившись тем бесконечным восторгом, я вдруг ощутил холод и как мои мышцы сводит от напряжения.

Светозвуковые эффекты над нашими головами исчезли. Огненная оболочка вокруг девицы сдулась до первоначального мерцающего контура, а огонь на ее груди затух и будто ушел в колье.

– Не дури, Огна, – произносит все тот же голос.

И по мере того, как воздух рядом с девушкой, теряя прозрачность, приобретал образ Лехи, лицо красавицы наполнялось пренебрежением.

– Тут бессильны не только твое мастерство, твоя ярость и вся твоя запредельная дурь, – проговорил Леха, – но и сам Риардис не смог бы сейчас обрушить поток метеоров на это самое место.

Брюнетка фыркнула и окинула надменным взглядом каж-

дого из нас троих. Озлобленные пряди ее волос отстранились, словно в порыве отвращения, сама же она не сказала ни слова.

Я посмотрел на Петрова. Тот, как обычно, совершенно спокойно наблюдал за происходящим.

Леха, так и не удостоившись внимания девушки, лишь махнул рукой и направился к нам с капитаном.

– Здравствуйте, – проговорил он и как ни в чем не бывало протянул мне руку.

ГЛАВА 19,

слегка приоткрывающая будущее

Неожиданное и удивительное... видео? Ну да, наверное, видео, как это еще назвать, просматривал я во второй раз.

Световое шоу в темноте. Пляски огней на фоне озаряемых вспышками деревьев. Будто десятки фейерверков сработали в одно мгновение, разметав вокруг разноцветные искры и наполнив ночь голубыми, синими, желто-красными всполохами.

Красиво.

Но особенно завораживали, до душевной дрожи, фиолетовые светящиеся буруны, подобные клубам сигаретного дыма. Они возникали то здесь, то там, переплетаясь, проносились с огромной скоростью и обволакивали светящиеся эллипсоиды. И из этого сочетания движущихся в фиолетовом дыме красного и синего коконов рождались новые фейерверки.

Люди, устроившие данный художественно-световой бедлам, человек десять, непрерывно перемещались. То исчезая, то появляясь, они скакали подобно упругим мячикам, размахивали руками, кричали и... вдруг в мгновение рухнули на землю – все как один, слаженно и синхронно.

В моей памяти сохранилось все: и фейерверк, и люди –

но я не помнил и, к сожалению, не мог помнить столь эффектное и синхронное их падение наземь. Мои воспоминания обрываются на истеричном женском вопле: «...выруби его долб...б тупой, иначе вас ушатают...», – и на последовавшем за этим воплем моем вырубании – одним ударом.

ГЛАВА 20,

в которой непонятности продолжают проясняться

В тот момент, как из ниоткуда появился Леха, и пока он подходил ко мне, я смотрел на него и думал лишь об одном: «Он живой?»

«Он живой?» – спрашивал я себя снова и снова до тех пор, пока не коснулся его ладони.

Пожимая ладонь паренька, я ощутил не только ее прежнюю силу, но и настоящее живое тепло. Сомневаться было бессмысленно – передо мной стоял человек, а не мертвец, чудом выбравшийся из могилы.

Казалось бы, вот и ответ – успокойся моя голова, да где там. Вместо одного ушедшего вопроса тут же возникли другие – много, много других вопросов.

«Он живой! Как же так?»

«Они знакомы?»

«Тогда что же за фарс с допросом?»

«А фото? Фальсификация? Фотошоп?»

«Но я видел тело, – мертвое тело!» – думал я, пока Лешка и капитан пожимали друг другу руки.

– Соболезную, – произнес капитан Петров.

Парнишка заметно вздрогнул и кивнул в ответ.

«Что?»

– Рядом с вашим домом убили брата Алексея, – сказал капитан, обращаясь ко мне и одной этой фразой отвечая на почти все мучившие меня вопросы.

– Ваньку!? Ваньку У-БИ-И-ЛИ!?! – внезапно завопила девица, о которой я, кажется, совсем забыл.

– Из-за тебя, подонок! Его убили из-за тебя! Я говорила, что так будет...

Разъяренной фурией она метнулась в нашу сторону и бежала до тех пор, пока рвущийся из ее груди крик вдруг не оборвался, а сама красотка не замерла в паре метрах от Лехи, будто окаменев.

Та штука на ее груди, что недавно полыхала огнем в декольте и которую я принял за колье, оказалась кулончиком, подвеской, темным камушком на простой цепочке. Только сейчас не было декольте, да и самого роскошного платья тоже не было; невероятная горгоноподобная прическа пропала, а пульсирующий вокруг красавицы кокон будто испарился. Рядом с нами стояла напуганная, небольшая, не очень привлекательная девушка. Она вздыхала, охала, ощупывала себя, будто не понимая, где она и что с ней происходит.

Всклоченные, пегие, плохо покрашенные волосы выглядели нелепо. Огромная, не по размеру, белая мятая футболка, напоминающая купол парашюта, скрывала ее руки по локоть и ноги ниже колен, и в довершение – грязные, в пятнах, бело-красные кеды на босу ногу.

На контрасте с той роскошно-демонической красавицей,

минуту назад угрожающей нам с капитаном, теперь девица выглядела ущербно и жалко.

Бывшая супермодель поскуливала. В ее огромных глазах замер еще более огромный ужас, а чувство потерянности почти материализовалось. По щекам большими быстрыми шариками сбегали слезы.

«Вот так сходят с ума», – подумалось мне.

Ощущение, что ее рассудок телепенькается на грани полного исчезновения, появилось очень остро и, по-видимому, не только у меня.

В пару прыжков Леха подскочил к девчонке, взял ее за руку и потянул за собой в сторону от нас с Петровым.

– Пошли, пошли, Огна – бормотал паренек, но та как будто не слышала. Казалось, она вот-вот «стечет» на газон.

Тогда Лешка подхватил девушку на руки и легко, будто она ничего не весила, побежал.

Не понимая, что происходит, я посмотрел на Петрова и поразился его крайне довольному лицу.

– Что здесь происходит? – спросил я и слегка толкнул капитана в предплечье, чтобы хоть как-то привлечь к себе внимание.

Не глядя на меня, Петров покачал головой и обронил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.